

РУТ
ДРЮАР

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ
В ПАРИЖЕ

Рут Дрюар
Последние часы в Париже
Серия «Звезды зарубежной прозы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68911935

Р. Дрюар. Последние часы в Париже: ООО «Издательство АСТ»;

Москва; 2023

ISBN 978-5-17-132843-6

Аннотация

Париж, 1944 год. Элиза Шевалье знает, что такое любить... и ненавидеть. Ее жених, молодой французский солдат, был убит на линии Мажино. Живя среди врагов, Элиза должна скрывать свою ярость.

Однажды она знакомится с Себастьяном Кляйнхаусом, который приехал в Париж в качестве переводчика. Вынужденный носить форму, которую презирает, Себастьян жаждет иной жизни.

Бретань, 1963. Найдя чемодан под кроватью матери, восемнадцатилетняя Жозефина Шевалье раскрывает тайну, потрясшую ее до глубины души. Решив докопаться до истины, она отправляется в Париж, где узнает историю запретной любви и предательства, которое навсегда изменит жизни двух молодых людей.

Содержание

Пролог	5
Часть первая. 1963	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	42
Часть вторая. 1944	51
Глава 7	51
Глава 8	63
Глава 9	70
Глава 10	77
Глава 11	88
Глава 12	99
Глава 13	106
Глава 14	112
Глава 15	118
Глава 16	129
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Рут Дрюар

Последние часы в Париже

Ruth Druart

The Last Hours in Paris

© 2022 by Ruth Druart

© Литвинова И., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Сандре и Майклу, моим родителям.

*Спасибо за то, что позволяли мне взбираться на
любые деревья. И были готовы подхватить меня,
если я упаду.*

*«Любить, познать любовь – этого достаточно.
Не просите большего. В темных глубинах жизни
нет других жемчужин».*

Виктор Гюго, «Отверженные»

Пролог

– Я тебя даже не разглядела толком, когда увидела в первый раз.

– Ты видела только военную форму.

– Да, и она меня напугала.

– Ну, я тоже едва взглянул на тебя.

Она легонько ущипнула его за щеку.

– Неужели?

– Я знал, что ты не хочешь привлекать внимание. Тем более – мое внимание. Но я тебя заметил. – Он поиграл с ее пальцами. – И ты меня заинтриговала.

– Продолжай, – подбодрила она его.

Его тронуло, что она хотела слышать, как он говорит о ней: – Ты показалась мне дерзкой. И храброй. Я знал, что ты боялась тех полицейских, но виду не показывала. – Он отпустил ее пальцы. – Меня это восхитило. – Он провел рукой по ее волосам. – Но я чувствовал, что ты можешь попасть в беду.

– Ты подумал, что спасешь меня?

– Нет. – Он пристально посмотрел на нее. – Я знал, что это ты спасешь меня.

Часть первая. 1963

Глава 1

Бретань, май 1963 года

Элиз

Я смотрю из эркера на море – волны бьются о серые скалы, белыми брызгами отскакивая от изрезанных выступов. Повинуясь порыву, я распахиваю окно навстречу крикам чаек и неугомонному шуму прилива. Пара голубей балансирует на телеграфном проводе. Они поворачивают головы в мою сторону, с любопытством разглядывая меня.

– Элиз. – Мсье Бофор входит в комнату, его голос пронзает меня насквозь. – Ты закончила? Могу подбросить тебя до станции.

– Спасибо. – Я закрываю окно, вытираю пыль с подоконника и поворачиваюсь к мсье Бофору, нацепив вежливую улыбку. Снимая с себя рабочую униформу, я следую за ним вниз по лестнице, вешаю тунику на заднюю сторону кухонной двери, и мы выходим на подъездную дорожку.

Он открывает передо мной дверцу машины.

– *Merci, Monsieur*¹. – Он – джентльмен, и я это ценю. Это заставляет меня чувствовать себя не столько его экономкой, сколько личностью.

– Какие у тебя планы на выходные? – спрашивает он, пока мы едем по обсаженным деревьями дорогам к станции в Сен-Бриё².

– Ничего особенного, пообедаем дома с дочерью, а потом, наверное, прогуляемся по пляжу.

– Как Жозефина?

Я тронута тем, что он помнит ее имя.

– Прекрасно, спасибо. Через месяц получает степень бакалавра. Хочет поступить в университет. – Я слышу гордость в своем голосе и вовремя останавливаю себя, чтобы не пуститься в рассказы о том, какая она умная девочка. – В прошлом месяце ей исполнилось восемнадцать.

– Уже? Она была совсем малышкой, когда ты начала работать у нас.

– Да. – Я откидываюсь на спинку сиденья, гадая, закончилась ли эта глава моей жизни. Я выполнила то, что намеревалась сделать. Жозефина благополучно достигла совершеннолетия, и скоро я расскажу ей правду. Ложь, которую я построила вокруг ее детства, разрасталась как невидимые тюремные решетки, сдерживая меня, заманивая в ловушку. Теперь только правда освободит меня. Но одна лишь мысль

¹ Спасибо, мсье (*фр.*).

² Старинный город в регионе Бретань, на северо-западе Франции.

об этом приводит меня в ужас.

Остаток пути мы проводим в тишине, и я испытываю облегчение, когда впереди показывается железнодорожная станция. Поезд уже подан, и я благодарю мсье Бофора, прежде чем поспешить на платформу, где сажусь в пустой вагон и устраиваюсь на потертом бархатном сиденье. Я думаю о том, чтобы прогуляться с Жозефиной после обеда; с другой стороны, мне не хочется отвлекать ее от занятий. Как только она сдаст экзамены, у нас появится больше свободного времени и мы сможем поговорить. Поговорить по-настоящему. Я вижу, как она готовится расправить крылья и улететь, но не могу отпустить ее, пока не расскажу все, что ей нужно знать.

Когда поезд прибывает в Ланьон, я выхожу из вагона и направляюсь к автостоянке у дороги. Старенький зеленый внедорожник «Рено» стоит на том же месте, что и каждую субботу, когда Суазик забирает меня со станции. – *Bonjour*³, Суазик. – Я открываю пассажирскую дверь, забираюсь внутрь и приветствую ее легкими поцелуями в обе щеки. – Как ты?

– Жозефина сегодня вернется попозже, – так отвечает она на мой вопрос.

Сердце замирает, но я беру себя в руки, прежде чем спросить:

– Она ушла обедать к приятелю?

– Да, к Эрве. – Суазик поворачивает ключ в замке зажи-

³ Здравствуй. (фр.)

гания, и мы трогаемся с места.

Я искоса поглядываю на нее.

– Кажется, она проводит с ним много времени.

– Это здорово, что у нее появился парень. Не переживай, я провела с ней беседу о мальчиках и... – Она замолкает, и намек повисает в воздухе.

– Я тоже поговорю с ней. – Я пытаюсь закрепить свой материнский авторитет, чем и занимаюсь с тех пор, как родилась Жозефина.

Сосредоточенная на дороге, Саузик поднимает бровь. Я отворачиваюсь и смотрю в окно. Парусники в Бе-де-Сент-Анн брошены на берегу и лежат на боку, ожидая следующего прилива. Море смывает на своем пути все, что не закреплено якорем или не утоплено в песке. Иногда я жалею, что не могу вот так запросто смести прошлое, позволить волнам унести его далеко в океан, где оно останется навсегда. Но прошлое – это часть того, кто мы есть, и мне пора взглянуть ему в лицо. И Жозефине пора его узнать.

– Я приготовила обед. – Суазик бросает на меня взгляд. – Луковый суп, а к нему – свежий багет.

– *Merci*⁴. – Я пришла к пониманию, что так Суазик показывает свою заботу. И в этом нет никакого притворства. Несмотря на ее едкие реплики и некоторую холодность, я знаю, что она искренне заботится о Жозефине и даже обо мне. Пусть мы не одной крови, но Суазик стала частью на-

⁴ Спасибо. (*фр.*)

шей маленькой семьи. Я просто не уверена, какую роль она взяла на себя – матери, бабушки или отца. Порой кажется, что все три сразу.

Мы поворачиваем за угол и подъезжаем к старому каменному коттеджу, который стал моим домом с тех пор, как я покинула Париж. Запахи чеснока и лука встречают меня, когда мы заходим внутрь, и теперь голод дает о себе знать. Суазик разливает суп по тарелкам; расплавленный сыр растекается между гренками и кольцами мясистого лука. Прежде чем взять ложку, она осеняет себя крестным знаменiem:

– Спасибо, Боже, за эту пищу.

– Аминь, – бормочу я.

Мы едим в дружеской тишине, рожденной многолетним знакомством. Суазик – не любительница светской беседы, и я привыкла к ее манерам. Таких, как она, называют неразговорчивыми, но у нее на то свои причины. Мы как раз доедаем суп, когда на кухню врывается Жозефина; в ее ярко-голубых глазах светится возбуждение.

– Мама, угадай! – Она даже не здоровается.

Я взволнована, видя дочь такой счастливой, и встаю, чтобы чмокнуть ее в щеку.

– *Bonjour*, Жозефина. – Рядом с ней стоит Эрве, и я протягиваю ему руку. Вспыхивая румянцем, он отвечает крепким рукопожатием. Кажется, славный парнишка.

– Угадай! – повторяет Жозефина, бросая взгляд на Эрве, а потом снова на меня. – Школа организует поездку в Англию.

Жозефина обожает все английское; она мечтает поехать в эту страну с тех пор, как «Битлз» выпустили свой первый альбом в прошлом месяце. Иногда я слышу, как она напевает их песни «Люби меня», «Пожалуйста, порадууй меня». Я смотрю на свою дочь, на это юное лицо, озаренное радостным волнением, и со знакомой тоской вспоминаю ее отца. У нее та же *joie de vivre*⁵, тот же интерес к жизни, такое же горячее желание попробовать эту жизнь на вкус. Но как тяжело у меня на сердце, когда я знаю, что придется разочаровать ее.

– Жозефина. Сожалею. Мы не можем себе этого позволить.

Ее глаза становятся на оттенок темнее, уголки рта опускаются, ямочки на щеках исчезают.

– Но ты даже не знаешь, сколько это стоит. И у меня осталось немного денег, подаренных на день рождения.

– Я знаю, что ты не все потратила. – Я сжимаю ее руку. – Но у нас нет таких денег, чтобы хватило на поездку.

Она выпускает глубокий вздох, и я чувствую, как все ее тело сдувается. Эрве поджигает губы, отводя взгляд, как будто смущенный. Деньги – не та тема, которую обсуждают вне семьи.

– У тебя даже нет паспорта, – вмешивается Суазик.

При слове «паспорт» мое сердце пускается вскачь. Жозефине нужно подождать еще немного, до окончания экзаменов, пока у нас не появится время, чтобы поговорить обо

⁵ Жизнерадостность. (*фр.*)

всем спокойно и обстоятельно.

– Я уверена, что смогу его получить! – Жозефина повышает голос, явно закипая от злости. Вместо того чтобы помочь осуществить ее мечты, мы мешаем ей, сдерживаем ее.

Я поворачиваюсь к Эрве.

– А ты едешь?

– Я собираюсь спросить своих родителей. – Он смотрит на Жозефину. – Они могли бы одолжить тебе немного денег.

– Нет! Об этом не может быть и речи, Эрве! – Я возмущена его предложением; еще не хватало, чтобы он взялся решать наши проблемы. – Будет еще много других возможностей. – Я снова обращаюсь к Жозефине, подводя черту под обсуждением:

– В любом случае, ты еще недостаточно взрослая для такого большого путешествия. – Я пытаюсь изобразить примирительную улыбку.

– Мама, я уже не маленький ребенок. – Жозефина отвергает мою улыбку. – И уверена, что смогла бы раздобыть деньги. – Она бросает взгляд на Суазик, затем снова на меня. – Но ты все равно не хочешь, чтобы я ехала, не так ли? Ты даже в Париж не готова меня отпустить. Ты просто хочешь, чтобы я всю жизнь торчала здесь, в этой богом забытой Бретани.

– Нет, это неправда! – Ее внезапная эмоциональная вспышка застает меня врасплох. – Я знаю, что ты не ребенок.

– Тогда почему ты все еще относишься ко мне как к маленькой?

– Жозефина! – Суазик останавливает ее холодным каменным взглядом. – Довольно.

Жозефина нарочито громко вздыхает.

– Я не собираюсь оставаться здесь навсегда, ты знаешь.

– Я сказала: довольно. – Суазик встает из-за стола, для пущей убедительности складывая руки на груди.

Это ее дом, и мы живем по ее правилам. Мы не кричим и не ссоримся. Я внутренне съеживаюсь, сердце разрывается от жалости к дочери. На самом деле этот спор вовсе не из-за денег.

Жозефина не сдастся:

– Пусть я не поеду в это путешествие, мне все равно. Я просто хочу покинуть этот дом и Трегастель. Он такой... такой маленький. И люди такие...

Она поворачивается к Эрве – по нему видно, что он предпочел бы оказаться где угодно, только не там, где находится. Она берет его за руку и увлекает за собой к двери.

Глава 2

Бретань, май 1963 года

Жозефина

– Я тогда тоже не поеду. – Эрве обнимает Жозефину за плечи, когда они идут по прибрежной дороге к его дому.

Она резко останавливается, отступает в сторону и поворачивается к нему лицом.

– Дело не в поездке. Я просто сыта по горло тем, что мы даже не можем поговорить об этом. Я могла бы найти способ раздобыть деньги; у меня есть кое-какие сбережения, но мама не хочет, чтобы я уезжала. Она вообще не хочет, чтобы я что-то делала. Она всего боится. Боится жизни! – Жозефина переводит дух. – Мне даже не разрешают выходить из дома в субботу вечером.

– Но суббота – единственный день недели, когда твоя мама может провести вечер дома.

– На чьей ты стороне? – *Почему он не видит, насколько жестко ее контролирует мать?*

– Мне жаль твою маму.

Жозефина с прищуром смотрит на него.

– Что-что?

– Ну, у нее не так много денег, верно? И она совсем одна.

– У нее есть Суазик. В любом случае, это ее вина. Она

никогда не хотела ни с кем встречаться. У нее были предложения, но никто не казался ей достойным внимания. — Жозефина снова пускается в путь, и беспокойная энергия захлестывает ее, когда она думает о том, что мать даже не хочет поговорить об отце — Фредерике, застреленном во время освобождения Парижа. Всякий раз, когда Жозефина поднимает эту тему, мать меняется в лице, настораживается и отводит взгляд, как будто погружаясь в собственный тайный мир.

— Я мог бы одолжить тебе немного денег, — предлагает Эрве. — Мне тоже нужно получить паспорт. Мы могли бы сделать это вместе.

— Что для этого понадобится?

— Я не знаю. — Он ловит ее ладонь, и они шагают рядом, размахивая сцепленными руками. — Наверное, свидетельство о рождении?

— Я даже никогда не видела своего свидетельства.

— Ну, оно должно быть у каждого. Спроси свою маму. К тому же всегда можно получить копию в местной ратуше.

Эрве, кажется, знает обо всем куда больше, чем она, и это ее слегка бесит.

— Я возвращаюсь. Хочу поискать свое свидетельство о рождении.

— Что, прямо сейчас?

— Да. Докажу ей, что я не ребенок. Я намерена оформить себе паспорт.

– Она чмокает его в щеку и спешит домой, полагая, что Суазик и мать, вероятно, еще в полях, загоняют коров на ночь после пастбища. Конечно, она могла бы просто попросить свое свидетельство о рождении, но не хочет новой ссоры. И она догадывается, где может быть спрятано свидетельство – в маленьком чемоданчике под кроватью матери, где хранятся старые фотографии и документы. Не то чтобы Жозефине категорически запрещено заглядывать в него; это лишь одно из негласных правил, которое не позволяет рыться в чужих личных вещах.

Удача на ее стороне: в доме – никого. Она заходит на кухню, затем поднимается по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, в единственную комнату наверху – спальню своей матери. Посередине стоит простая кровать из темного дуба с массивным изогнутым изголовьем. Жозефина присаживается на корточки, лезет под кровать и вытаскивает потрепанный чемодан. В своем воображении она представляла его более массивным и внушительным. На самом деле это небольшая коробка из толстого картона, обтянутая клетчатой серой бумагой. Она ощупывает старую ржавую застежку, но колеблется, не решаясь открыть – история о ящике Пандоры вспыхивает в сознании. На мгновение она замирает, стискивая пальцами застежку. Она вдыхает запах лаванды, и его знакомая сладость навеивает воспоминания о том, как утром по воскресеньям они нежились с мамой в постели, пока Суазик хлопотала внизу на кухне.

Мысли разбредаются. Импульсивно она дергает застёжку и открывает чемодан. Внутри беспорядочно свалены документы, письма и черно-белые фотографии. Жозефина роется в ворохе бумаг, сосредоточиваясь на поиске свидетельства о рождении, но любопытство берет верх, и она не может устоять перед искушением – рука сама тянется к фотографиям. Вот ее мать, еще маленькая девочка, стоит между родителями, и на ее губах играет застенчивая улыбка. А вот мать в красивом длинном платье, за руку с мужчиной. Почему мама раньше не показывала ей эти фотографии? Жозефина просила показать фотографии отца, Фредерика, но мать всегда отвечала уклончиво – мол, в те времена они не фотографировались. Так кто же этот человек? Может, возлюбленный матери, а вовсе не отец Жозефины? Она переворачивает снимок. Сердце екает, когда она читает на обороте: *Фредерик, февраль 1939*. Должно быть, он ее отец. Но почему мама скрывает от нее эту фотографию?

Она выуживает из чемодана томик стихов Виктора Гюго, удивляясь, с чего бы матери прятать его. Она открывает книгу, и ей бросается в глаза надпись на первой странице, сделанная четким ровным почерком:

Любовь моя, Лиз,
Моя жизнь началась с тебя.
Твой навсегда,

«С»? Это определенно не «Ф» – Фредерик. Кто же этот «С»? И почему он не написал свое имя полностью? Ей попадают старые письма, но она сопротивляется желанию прочитать их. Свидетельство о рождении – вот что ей нужно, и не стоит распыляться.

Ее взгляд падает на письмо, с виду официальное. Текст такой короткий, что она успевает прочесть его еще до того, как заставляет себя остановиться.

С сожалением сообщаем вам, что Фредерик Дюмарише погиб, выполняя священный долг по защите своей страны.

Что-то в верхней части письма привлекает ее внимание. Дата: май 1940 года. За пять лет до ее рождения! Как такое возможно? Она снова перечитывает текст. Должно быть, это другой Фредерик.

Щелчок открывающейся кухонной двери заставляет ее бросить все обратно в чемодан. Она быстро закрывает его и засовывает под кровать. Судорожно расправляет платье и пытается выровнять дыхание, прежде чем спуститься вниз.

– Что ты делала в комнате своей матери? – Суазик стоит у подножия лестницы, сложа руки на груди.

– Где она? – Жозефина отвечает вопросом на вопрос.

– Я спросила, что делала *ты*. – От голоса Суазик веет холодом.

– Мне нужно мое свидетельство о рождении. – Жозефина

имеет на это право, так почему же у нее такое чувство, будто она просит чего-то недозволенного?

Кровь отливает от лица Суазик.

– Зачем оно тебе понадобилось?

– Я хочу получить паспорт.

Суазик выпускает долгий глубокий вздох.

– Тебе пока не нужен паспорт. Подожди, пока не сдашь все экзамены.

– Экзамены? Какое они имеют к этому отношение?

– Экзамены – вот на чем ты должна сосредоточиться прямо сейчас, – ворчит Суазик, отворачиваясь. – О чем ты только думаешь! Поездки за границу, бойфренды. Позволяешь себе отвлекаться от главного.

– Это не имеет значения. – Жозефина старается придать своему голосу непринужденности. – Эрве говорит, что я могу запросить копию свидетельства в ратуше.

– Нет. Нет. – Суазик смотрит ей в глаза. – Не нужно этого делать. Я уверена, что мы сами сможем его найти. Просто дай нам немного времени. – Она глубоко вздыхает. – Вы, молодежь, такие нетерпеливые.

Это последнее замечание кажется Жозефине особенно несправедливым. Она настолько терпелива, никогда не подталкивала свою мать или Суазик к разговору о прошлом, о войне, потому что видела, как тяжело им обоим вспоминать об этом.

– Ты знаешь, кто такой Фредерик Дюмарше? – спрашива-

ет Жозефина.

Суазик на мгновение закрывает глаза и качает головой.

– Ты не должна вот так исподтишка рыться в вещах своей матери! Ворошить прошлое. Это никому не принесет добра. – Она колеблется. – Тебе следовало бы лишний раз подумать.

Жозефина смотрит под ноги, теперь сгорая от стыда, чувствуя себя ужасно виноватой перед Суазик. Жозефина знает, что случилось с дочерью этой женщины. Все знают, но никто об этом не говорит.

Тягостную тишину разрывает звук открывающейся двери, когда возвращается мать Жозефины:

– К вечеру заметно похолодало. – Она снимает пальто. – Погода, наверное, меняется. – Похоже, она не замечает напряженной атмосферы и, проходя на кухню, прижимает ладонь к щеке дочери. Жозефина вздрагивает от ледяного прикосновения.

Глава 3

Бретань, май 1963 года

Элиз

Если бы я не знала свою дочь как облупленную, то подумала бы, что она дуется. Но она не из тех, кто дуется. Жозефина – девочка думающая. И сейчас ее мысли заняты поездкой в Англию. Я почти слышу, как ее разум лихорадочно работает, составляя план.

– Мне очень жаль, что ничего не получится с этой школьной поездкой, Жозефина. – Я пытаюсь достучаться до нее, когда мы садимся за стол. – Чтобы как-то компенсировать это, могу предложить тебе поехать в Париж после экзаменов. Ты могла бы остановиться у тетушки Изабель; она с удовольствием сводит тебя куда-нибудь и покажет город.

Жозефина пожимает плечами.

– Может быть.

– Разве ты не хотела бы поехать в Париж?

– Наверное, да.

Суазик молча раскладывает вареный картофель по тарелкам.

– Когда-нибудь ты поедешь в Англию. – Я стараюсь разрядить обстановку. – У тебя вся жизнь впереди.

Суазик поднимает крышку кастрюли, и я вдыхаю насы-

ценный мясной запах говядины по-бургундски. Суазик подает жаркое, а затем осеняет себя крестным знаменiem:

– Боже, благослови пищу нашу.

Мы с Жозефиной шепчем:

– Аминь.

Пусть это по большей части морковь и сельдерей впере­мешку с самыми дешевыми кусками мяса, блюдо очень аро­матное, а говядина такая нежная, что тает во рту. Но Жозе­фина лишь ковыряется в тарелке, тычет вилкой в картофе­лину, разламывая ее пополам.

– Тебе нравится поэзия? – спрашивает она ни с того ни с сего, насмешливо поглядывая на меня.

Я застигнута врасплох ее вопросом.

– Да не особо. А почему тебя это интересует?

Суазик замирает с вилкой на полпути ко рту, устремляя взгляд на меня.

– Я бы почитала. Думаю, мне понравилось бы. – Жозе­фина макает кусочек хлеба в соус. – У тебя не найдется ка­ких-нибудь стихов?

– У меня? – Я поднимаю глаза на Суазик. У нас всего две­надцать книг, и Жозефина давно их прочитала. И тут я вспо­минаю. Томик стихов в чемодане наверху. Не может быть, чтобы она рылась в моих вещах. Она бы никогда этого не сделала, не так ли? – Нет, – осторожно отвечаю я. – Вряд ли.

Жозефина роняет мякиш в соус.

– Позор. – Она подцепляет вилкой кусочек мяса, отправ-

ляет его в рот и медленно пережевывает, наблюдая за мной.

Теперь я знаю. Знаю, что она рылась в моем чемодане наверху. В чемодане моих воспоминаний. Она видела томик стихов, который подарил мне Себастьян, и его послания, но он никогда не подписывался своим именем. Она бы не узнала, кто он такой. Там нет ничего опасного. Во всяком случае, я так думаю.

— Кто-то однажды подарил мне сборник стихов. — Я пытаюсь улыбнуться. — И я кое-что прочитала.

— Кто это был? — Ее вопрос короткий и прямой.

— Просто знакомый.

Она вздыхает, подхватывает размокший хлеб и кладет его в рот. Я понимаю, что мои ответы неубедительны, и хочу рассказать ей больше. Я хочу рассказать ей все. Но не сию минуту. Не в такой обстановке. Сейчас не время и не место.

— Я думаю, ты бы прекрасно провела время в Париже, — врывается голос Суазик, фальшиво-жизнерадостный.

— И наконец познакомилась бы с тетушкой Изабель. — Я улыбаюсь, но мне кажется, что мое лицо трескается.

— А еще с бабушкой и дедушкой. Я их почти не знаю. Я никогда не видела своего деда. Он еще жив?

— Да, жив. — Я стараюсь говорить спокойно. — Но он очень изменился после войны. — *Война*. Запретная тема в этом доме. Я бросаю взгляд на Суазик, в тревоге за нее теперь, когда мы ступаем на зыбкую почву.

— Но разве ты не хочешь его увидеть? — напирает Жозе-

фина. – Вероятно, жить ему осталось недолго.

– Он не хочет меня видеть. Я тебе это говорила.

– Не хочет только потому, что ты не была замужем, когда родила меня? – Жозефина потирает нос. – Это не твоя вина, что мой отец погиб.

Я чувствую, как горят мои щеки. Мне не следовало говорить ей такое. Теперь многое придется объяснять. Я пытаюсь проглотить непрожеванный кусок моркови, но он застревает в горле. Я судорожно откашливаюсь, глаза слезятся. Суазик встает из-за стола и сильно ударяет меня по спине между лопатками. В попытке остановить кашель я хватаю стакан с водой и делаю большой глоток.

Жозефина смотрит на меня так, словно видит впервые. Я чувствую себя незащищенной. Она знает. Она знает, что все мои рассказы – сплошная ложь.

Глава 4

Бретань, май 1963 года

Жозефина

В воскресенье ночью, после того как мать уехала обратно в Сен-Бриё, Жозефина уже проваливается в сон, когда приходит озарение. В сознании всплывает детское воспоминание о том, как мама засовывает какую-то папку за набор обеденных тарелок, которыми они никогда не пользуются, маскируя ее под заднюю стенку буфета. Мать проделывала все это скрытно, как будто не собиралась снова ее доставать. Даже будучи ребенком, Жозефина чувствовала, что в папке хранится что-то важное. И теперь не сомневалась, что именно там она найдет свое свидетельство о рождении.

С этой мыслью она засыпает. Но такие открытия не способствуют мирному сну, и рано утром она просыпается от бурлящей в ней нервной энергии. Выползая из постели, она пробирается на кухню и направляется к буфету, где хранится старая посуда. Она осторожно заглядывает внутрь. У задней стенки, за стопкой тарелок, прячется бледно-зеленая папка.

Жозефина быстро вытаскивает ее, открывает и достает первый лист бумаги. Вверху значится ее имя.

Гражданка: Жозефина Шевалье

Мать: Элиз Шевалье

Отец: Себастьян Кляйнхаус

Листок выskalъзывает из пальцев Жозефины. Дрожь пробегаёт по спине, холод сковывает тело. Восприятие времени искажается, и она теряет всякое представление о том, где находится. Крепко зажмуриваясь, она пытается найти точку опоры. Что все это значит? *Отец: Себастьян Кляйнхаус*. Это невозможно. Ее отец – француз по имени Фредерик. У него что – было другое имя?

Воспоминания возвращаются приливом. Тогда она мало что понимала, но теперь слова звучат в ушах, как будто сидели там годами, ожидая этого момента, ожидая, когда ей откроется их истинный смысл.

Это случилось воскресным утром, когда они выходили из церкви. В ту пору ей было лет восемь.

– В чем разница между бошем⁶ и ласточкой? – спросил ее какой-то мальчик постарше. Она пожала плечами, тогда еще не зная, что означает «бош» – разве только то, что это плохое слово. – Когда у ласточки во Франции появляются птенцы, она забирает их с собой, а бош бросает своих детей. – Он произнес это с презрением. Она навсегда запомнила его слова, хотя и недоумевала, какое отношение они имеют к ней.

Себастьян Кляйнхаус. Немец! Бош! Внезапно становится понятно, почему тема ее отца окружена стеной молчания.

⁶ Бош – презрительное прозвище немцев во Франции.

Чтобы родить ребенка от боша, ее матери пришлось сбежать в Трегастель, где никто ничего о ней не знал. Это объясняет, почему она никогда не возила Жозефину в Париж, почему Жозефина встречалась со своей бабушкой и тетей Изабель всего четыре раза, почему никогда не виделась с дедушкой. Во время оккупации его отправили в трудовой лагерь в Германии, и он вернулся оттуда с одной лишь ненавистью ко всему немецкому.

Отродье боша.

Выходит, мать лгала ей всю жизнь. Кто еще знает? Суазик?

Нет, маловероятно, она бы никогда не пустила мать к себе в дом, если бы знала. Должно быть, мать солгала и Суазик. *La honte* – позор, переспала с врагом. – *Putain!*⁷ – ругается она себе под нос. – Моя лживая мать!

Она цепенеет от звука шагов. Легким не хватает воздуха. Она с трудом пытается сделать вдох и, сжимая в руке свидетельство о рождении, поворачивается к Суазик.

Суазик смертельно бледна, в ее широко распахнутых глазах плещется страх. Она знает. Она всегда знала.

– Почему ты мне не сказала? – Голос Жозефины дрожит. Глаза застилает мокрая пелена. Но она не собирается плакать. И смаргивает слезы. – Я имела право знать!

Суазик замирает, только губы двигаются, но ни звука не вырывается из горла.

⁷ Шлюха. (*фр.*)

– Ты знала, что мой отец – бош?

– Не произноси это слово! – Суазик дрожащей рукой хватается за угол буфета, с ее лица сходят все краски. Впервые она выглядит на все свои семьдесят семь лет. – Тебе не следует соваться в чужие дела.

– Чужие дела! – Чувство вопиющей несправедливости распаляет Жозефину. – Это *мое* свидетельство о рождении!

– Твоя мать сама решит, давать тебе его или нет. Ты не можешь вот так просто взять и забрать его!

– Ты знала? И никогда ничего не говорила? – Боль от обмана пронзает ее насквозь. Два самых близких человека, которые ее воспитали, любили, заботились о ней и сообща хранили от нее эту постыдную тайну, как будто она недостойна доверия. Недостойна знать, кто ее отец.

– Да. – Голос Суазик тверд. – Да, я знала.

– Но почему? – Смятение охватывает Жозефину. – Зачем ты вообще пустила ее к себе? – Не дожидаясь ответа, она задает другой вопрос: – Он ее изнасиловал? – Что-то подсказывает ей, что он этого не делал, но она должна спросить. – Это было изнасилование? – настаивает она.

Суазик решительно мотает головой.

– Нет! Нет! – Ее рука, прижатая к горлу, соскальзывает и повисает плетью, оставляя красную отметину на шее. Суазик тянется к Жозефине. – Я так виновата. Она хотела рассказать тебе, но я ей не позволила.

Жозефина пятится назад, отступая к стене как можно

далее. Но она хочет знать. Она хочет знать, каким чудовищем на самом деле был ее отец.

Ее отец. Непролитые слезы щиплют глаза. Она пытается прогнать слезы, но они рвутся наружу из бездонного колодца души, и сдержать их невозможно.

– Жозефина, *mon coeur*⁸, – Суазик делает шаг вперед, намереваясь обнять Жозефину, и та почти уступает, но не хочет, чтобы ее утешали. Она отстраняется, грубо вытирая слезы тыльной стороной ладони.

– Просто скажи мне, кем он был. Что он сделал? – Она должна знать. Она должна знать, был ли ее отец монстром.

– Я не знаю. Правда, не знаю, Жозефина. Я бы не позволила твоей матери говорить о нем.

⁸ Душа моя. (*фр.*)

Глава 5

Бретань, май 1963 года

Жозефина

Вместо того чтобы пойти в школу, Жозефина спешит к местному таксофону. Она хочет уехать из Трегастеля до того, как мать вернется в следующие выходные. Она сама докопается до правды.

Она вынуждена обратиться к оператору, чтобы узнать номер телефона своей тети Изабель. Изабель отвечает все еще сонным голосом.

– Извини, – начинает Жозефина. – Я тебя разбудила?

– Жозефина, это ты? Все в порядке?

– Да. Все хорошо. – Теперь она не знает, как спросить. – Просто... ну, я подумала... можно мне приехать и пожить у тебя несколько дней? – Она внутренне съеживается от дерзости своей просьбы.

– Что, прямо сейчас? Ты хочешь приехать сейчас? – Удивление Изабель эхом разносится по всей телефонной линии. – А как же школа?

– До экзаменов еще куча времени.

– Ты меня огорошила.

У Жозефины замирает сердце. Тетушка наверняка откажет. Но в голосе Изабель звучат радостные нотки:

– Это было бы замечательно. Когда ты хочешь приехать?

– Завтра? – неуверенно предлагает она. На самом деле ей хотелось бы рвануть сию минуту.

– Завтра! – На линии повисает молчание, прежде чем снова раздается голос Изабель: – Да! Почему бы и нет? – Она понижает тон. – Как поживает твоя мать? С ней все в порядке?

– Да. – Жозефина выдает невинную ложь. – Я перезвоню, когда куплю билет, скажу, во сколько приезжаю.

– Подожди. У меня под рукой расписание.

Жозефина закидывает еще один франк в прорезь для монет.

– Вот, есть поезд завтра в восемь тридцать утра. Ты сможешь на нем приехать?

– Да! – Дрожь возбуждения пронзает ее, когда эта спонтанная идея становится реальностью.

Она хотела бы повидаться с Эрве, рассказать ему все, но не хочет идти в школу, поэтому остаток утра бродит по берегу, осмысливая недавнее открытие, вывернувшее ее наизнанку, пытаясь понять, почему она чувствует себя такой уязвимой, незащищенной. Она возвращается домой на обед и объявляет Суазик о том, что едет в Париж.

– Но как же мама? Она будет очень расстроена. Ты не можешь вот так просто сбежать!

– Мне нужно выяснить, что произошло. Мне уже восемнадцать, и моих сбережений хватит на билет. – Она делает

глубокий вдох. — Ты не сможешь остановить меня.

— А как же школа, экзамены?

— Возьму учебники с собой. — Жозефина вздыхает. — Я могу и там заниматься.

Жозефина проявляет твердость, не оставляя Суазик никакого шанса отговорить ее, и во вторник утром та соглашается отвезти ее на станцию. Хлещет дождь, «дворники» скрипят, мотаясь из стороны в сторону.

Суазик вглядывается в струи дождя:

— Не будь так сурова к своей матери. Она всегда делала то, что считала лучшим для тебя.

Жозефина бросает на нее испепеляющий взгляд.

— Для меня?

— Да, для тебя. Она хотела дать тебе безопасный, счастливый дом. — Суазик переключает передачу, прежде чем машина поворачивает за угол. — Это всегда было для нее на первом месте.

Жозефина не отвечает, но смотрит на высокие деревья, выстроившиеся вдоль обочины. Их ветви гнутся под сильным ветром, нежные распускающиеся бутоны потрепаны.

Они подъезжают к станции, и Жозефина берется за ручку двери, но колеблется. В машине царит спокойная тишина, в то время как ветер и дождь барабанят по крыше и окнам, и Жозефина чувствует себя здесь в безопасности, словно в уютном коконе. Там, за этой дверью, на нее обрушится стихия, и она останется совсем одна. Суазик всегда была

для нее опорой; когда Жозефина в ней нуждалась, неизменно оказывалась рядом, готовая помочь и дать практический совет, но и жесткий отпор тоже. Если она не соглашалась с Жозефиной, то говорила об этом прямо. Суазик не из тех, кто ходит вокруг да около, расточая любезности. *Честная*, с иронией думает Жозефина. Раньше она могла бы сказать такое о Суазик, но теперь – нет. Это заставляет ее задуматься, насколько хорошо можно на самом деле узнать человека. Отныне ее всегда будет занимать, что скрывают о себе люди. Она бросает взгляд на профиль Суазик, и одна ее половина хочет обнять эту внешне суровую, но добрую женщину, однако другая половина все еще не оправилась от чувства предательства и обиды.

Суазик смотрит прямо перед собой, ее руки расслабленно лежат на руле.

– Я уже потеряла дочь. – Ее голос звучит словно издали. – И не переживу, если потеряю еще и тебя.

Но я не твоя дочь, хочет крикнуть Жозефина. *Я не твоя умершая дочь*. Но она не может. Не может причинить Суазик такую боль.

– Мне очень жаль, – бормочет Жозефина, и это не пустые слова. Ей действительно жаль их всех; жаль, что многое так и не было сказано; жаль, что она так и не услышала истории, которые хотела бы знать. Но в эту минуту ею движет единственное желание – уехать отсюда.

Делая глубокий вдох, она дергает ручку и открывает

дверь.

– *Au revoir*⁹.

Жозефина сидит одна в вагоне поезда, что мчится в Париж. Несмотря на смятение чувств, она наслаждается осознанием того, что находится в скоростном поезде. Она встает, опускает окно и высовывается наружу. Ветер перехватывает дыхание, треплет волосы, с силой тянет их за собой. Она открывает рот, заглатывая воздух, сердце учащенно бьется от возбуждения, рожденного скоростью. Поезд, летящий навстречу по соседним путям, вызывает у нее желание втянуть голову обратно. Но она этого не делает, предпочитая впитывать ужас. Наконец она отступает от окна, и все снова затихает. Она откидывается на бугристое плюшевое сиденье, чувствуя сквозь юбку каждую его пружинку. Ей нравится ощущение пребывания посреди неизвестности – уже не там, где она была, и еще не там, куда направляется. Зависая в этой безопасной неопределенности, она может быть любой, какой захочет.

Мама мечтает видеть ее тем, кем она не является. Хочет, чтобы она изучала инженерное дело в университете; не понимает, что Жозефину тянет к буквам и языкам, что ей нравится складывать слова воедино, создавать из них образы, находить ритм во фразах, пробуждать ими эмоции. Жозефина остро ощущает отсутствие слов дома, как будто они прячутся за шкафами, под кроватями, в ящиках, собирая пыль.

⁹ До свидания. (*фр.*)

Все, что Жозефина знает о жизни, почерпнуто исключительно из книг. Лишь только научившись читать, она проглатывала их; в постели, тайком под одеялом, с фонариком, после того как велели гасить свет; летом на пляже, лежа на животе, подпирая рукой подбородок, смахивая налетающие песчинки. Книжные страницы рассказывали ей о мире, о любви, о мужестве и трусости. Слова обладают великой силой. Они могут сбить с ног, помогут подняться, могут заставить сердце воспарить, заставить влюбиться. Или разжечь ненависть. Она думает об этих двух простых словах – Себастьян Кляйнхаус – и о том, как они смогли изменить ее саму.

Пять часов спустя поезд прибывает на вокзал Монпарнас. Едва ступая на перрон, Жозефина чуть ли не глохнет от шума; люди спешат мимо, перекрикивают друг друга, из громкоговорителей разносятся объявления, локомотивы пыхтят и свистят. К счастью, она замечает Изабель в конце платформы.

– *Bonjour! Bonjour*, Жозефина. Наконец-то ты здесь! – Изабель целует ее и косится на маленький чемодан Жозефины. – Хорошо, что ты путешествуешь налегке, мы можем пройти пешком.

– *Bonjour, tante* Изабель.

– Не называй меня тетей, давай притворимся, что я – твоя старшая сестра. «Тетушка» звучит слишком чопорно, а я всего на десять лет старше тебя. Так что больше похожа на

сестру. Тебе нравится джаз?

У Жозефины голова идет кругом от болтовни Изабель.

– Да, нет, я не знаю.

– Ну, ты сможешь узнать это в субботу вечером. Мы идем в джаз-клуб! Ты полюбишь Париж! – Она пристально смотрит на юбку Жозефины. – Я свожу тебя и по магазинам. В общем, собираюсь ужасно тебя избаловать. Но сначала пообедаем. Я умираю с голоду.

Жозефина оглядывает свою юбку, и сердце замирает, когда она видит эту картину глазами Изабель. Какая безвкусица. Там, в Трегастеле, юбка выглядела шикарно на манекене в витрине, но здесь, в Париже, ставит на Жозефине клеймо: *plouc*¹⁰. Парижанки скользят мимо в обтягивающих прямых юбках, безупречно скроенных жакетах, элегантных туфлях на каблуке, с кожаными сумочками, свисающими на уровне локтя. Она видела журналы с последними модными тенденциями, но не думала, что такое можно носить в повседневной жизни. В старомодной юбке, с чемоданом наперевес, взмокшая от пота, она готова сквозь землю провалиться.

Изабель, кажется, замечает ее смущение:

– Давай-ка мне чемодан.

Жозефина с благодарностью передает свой багаж тете. Они шагают по тротуару, а по широкой улице движется плотный поток машин: спорткары, кабриолеты, автобусы с открытой подножкой – пассажиры высовываются наружу, ку-

¹⁰ Деревенщина. (*фр.*)

рят. Изабель крутит головой, оглядывая высокие здания, кованные балконы и каменные лики на фасадах домов.

– Давай зайдем сюда. – Изабель резко сворачивает к брасери¹¹, и вскоре они сидят за маленьким круглым столиком на террасе. Жозефину переполняют эмоции, рожденные новыми звуками и видами большого города.

Появляется официант с меню, и Жозефина вчитывается в названия разнообразных блюд. – *Menu du jour*¹² выглядит аппетитно, – комментирует Изабель. – *Plat du jour – magret de canard*¹³. Ты любишь утку? *Oeuf mayonnaise*¹⁴ на закуску и *mousse au chocolat*¹⁵ на десерт.

– Да, – отвечает Жозефина, хотя ей хотелось бы попробовать улиток и баранину.

– И *demi-carafe*¹⁶ красного. Трапеза без вина – просто перекус. – Изабель смеется и быстро делает заказ, прежде чем официант успевает отойти.

Мимо проходят женщины – кто со стильным коротким «бобом», кто с высоким пучком на макушке. С густой кудрявой копной Жозефина снова чувствует себя деревенщиной.

¹¹ Тип кафе. (фр.)

¹² Меню дня. (фр.)

¹³ Блюдо дня – утиная грудка. (фр.)

¹⁴ Классическая французская закуска – яйцо под соусом из майонеза и дижонской горчицы. (фр.)

¹⁵ Шоколадный мусс. (фр.)

¹⁶ Полграфина. (фр.)

– Эрик дал мне немного денег, чтобы я отвела тебя по магазинам. – Изабель, похоже, читает ее мысли. – Он – душа. – Она подмигивает. – И очень рад, что ты здесь. Ты видела его всего пару раз, не так ли? Но он помнит, как приезжал в Бретань и вы встречались. Он всегда спрашивает о тебе. – Она кладет руку на коленку Жозефины и продолжает. – Мы оба так огорчились, когда вы не смогли приехать на нашу свадьбу.

Жозефина пытается улыбнуться, но губы отказываются двигаться. Она не хочет, чтобы ей напоминали о том дне, когда они с матерью застряли в Трегастеле, в то время как Изабель шла к алтарю с Эриком. Мать сослалась на бедность, сказав, что они не могут позволить себе поездку в Париж.

– Я сказала нашей маме, что ты приезжаешь, – продолжает Изабель, – и она ждет тебя с нетерпением. Сколько раз ты видела свою бабушку?

– Четыре.

– Подумать только, всего четыре! Ну, да ладно. Теперь ты здесь! – Изабель замолкает и роется в своей сумке. – У меня для тебя кое-что припасено. Подарок на день рождения! – Она передает Жозефине сверток, красиво упакованный в серебристую бумагу и украшенный стильным черным бантом. – Жаль, что мы так редко виделись, пока ты росла, Жозефина. Но я собираюсь наверстать упущенное.

– *Merci*¹⁷. – Жозефина наклоняется и целует Изабель в ще-

¹⁷ Спасибо. (фр.)

ку. Она раздумывает, сказать ли Изабель о том, что теперь знает, почему они почти не виделись, почему ее прятали в Трегастеле. *La honte*. Позор семьи. Но ей не хочется портить момент, и вместо этого она открывает подарок. Из-под бумаги выглядывает маленькая коробочка с надписью Chanel № 5. У Жозефины никогда не было духов; это такая роскошь, даже вопиющая. – О, Изабель, большое тебе спасибо. – Она смотрит на символ Chanel, и глаза наполняются слезами. *Radi всего святого*, говорит она себе, *это всего лишь духи!* Но это ощущается как нечто гораздо большее; как обретение женственности, вступление в совершенно иной мир.

Изабель улыбается:

– Попробуй.

Жозефина открывает коробку, вынимая изящный флакон – сам по себе произведение искусства. Она осторожно брызгает духи на запястье и помахивает им у лица, прежде чем вдохнуть аромат, от которого веет светом и свежестью, новыми начинаниями, чувственностью и приключениями. Жозефина упивается запахом.

– Вижу, тебе нравится?

– Не то слово!

Официант приносит первое блюдо, прерывая беседу.

– Как поживает твоя мать? – спрашивает Изабель, когда он уходит. Подцепляя вилкой яйцо, она подносит его к накрашенным красной помадой губам и медленно пережевывает, не отрывая глаз от Жозефины.

Жозефина берет из корзинки ломтик хлеба и ковыряет его, чувствуя себя неуютно под пристальным взглядом Изабель. Она расскажет Изабель все, что узнала, но позже. Эти откровения все изменят и, вероятно, испортят ее визит. Так что не стоит начинать со столь болезненной темы. – Прекрасно, – хитрит она и уводит разговор в сторону: – А где Эйфелева башня? Далеко отсюда?

– Не волнуйся. Осмотр достопримечательностей у меня запланирован на завтра. А сегодня не будем торопиться – на обратном пути прогуляемся по Люксембургскому саду.

После обеда, когда они бредут по парку с его идеально выровненными аллеями каштанов, Жозефина любителю тем-но-зелеными кронами, трепещущими от легкого ветерка, и задается вопросом, насколько теперь изменится ее жизнь. Странное ощущение неприкаянности не дает ей покоя. Кто она в этом большом городе? Может ли она стать тем, кем мечтается?

Они проходят мимо озера, где дети, вооружившись длинными палками, гоняют по воде игрушечные деревянные парусники. Она поворачивается к Изабель.

– Ты приходила сюда, когда была маленькой?

– Да, Элиз... твоя мать... когда-то водила меня сюда. – Она выдерживает паузу. – Потом мы перестали приходить. Во время оккупации сады кишели немцами и их подружками. Элиз больше не хотела здесь бывать.

– Но... – Жозефина умирает от желания спросить, как та-

кое возможно, когда у матери самой был бойфренд-немец.

Изабель хмурится, глядя на нее:

– Давай не будем говорить о тех временах. – Она берет Жозефину за руку. – Знаю, тебе уже надоело это слышать, но я так рада, что ты здесь!

Глава 6

Париж, май 1963 года

Жозефина

Когда они добираются до дома, им предстоит подниматься на шестой этаж по узкой винтовой деревянной лестнице, прежде чем Изабель достает ключ от квартиры.

– Вот мы и пришли. Дом, милый дом. – Она отпирает дверь, и Жозефина ловит себя на мысли, что тяжелое восхождение того стоило. Открывающийся вид на крыши рождает у нее чувство, будто она находится на вершине мира.

– Это потрясающе! – Она оставляет чемодан на полу и, распахивая окно, высовывается наружу.

– У нас только одна спальня, так что тебе придется спать здесь на диване.

– Замечательно. Спасибо. – Жозефина плюхается на подушки, раскиданные по дивану. Ей все равно где спать. Она счастлива уже от того, что находится в Париже.

– Мне нужно приготовить ужин. Эрик будет дома в семь. Жозефине не терпится осмотреть достопримечательности, и она подумывает о том, чтобы попросить разрешения прогуляться одной, но это кажется невежливым. Вместо этого она предлагает свою помощь на кухне.

Ровно в семь приходит Эрик – красавец с зачесанными

назад темными волосами, в элегантном коричневом костюме. Он целует жену, затем Жозефину. От него пахнет дорогим одеколоном.

– Добро пожаловать в Париж. – Он отступает на шаг, оглядывая Жозефину. – Теперь ты настоящая леди.

Она улыбается, оценивая комплимент.

– Я переоденусь, а потом мы сможем выпить аперитив.

Возвращается он уже не таким лощеным красавцем – в затрапезной футболке и широких спортивных брюках. Проходя на кухню, он берет с полки три узких бокала и наливает в каждый немного ликера *crème de cassis*¹⁸.

– *Kir royale*? – Не дожидаясь ответа, он достает из холодильника бутылку шампанского и, направляя ее горлышко в сторону потолка, разматывает проволочную уздечку. Пробка вылетает, по стенкам бутылки стекает бледная пена. Смеясь, он быстро наполняет бокалы. – За Жозефину, – произносит он тост. – И ее первый визит в Париж. – Коктейль восхитителен; пузырьки света и воздуха ударяют Жозефине в голову. – Я поставлю какую-нибудь музыку. – Эрик поворачивается к стеллажу с пластинками. – Что тебе нравится? Джонни? Жак Брель? Генсбур?

– *La Javanaise*¹⁹? Мне очень нравится. – Жозефина слышала эту песню всего пару раз, но она сразу приходит на ум.

¹⁸ Французский сладкий ягодный ликер из черной смородины. Служит основой коктейля из шампанского «Кир Рояль». (*фр.*)

¹⁹ «Жаванеза» – песня Сержа Генсбура.

– Мне тоже! – Эрик вытаскивает пластинку из футляра, сдувает с нее пылинки, прежде чем поставить на проигрыватель, затем осторожно поднимает иглу и опускает ее в звуковую бороздку.

– *J'avoue, j'en ai bavé, pas vous, mon amour*²⁰, – звучит сексуальный хрипловатый голос Генсбура.

Эрик подпевает, мягко покачиваясь из стороны в сторону. Изабель тоже вступает, и Жозефина делает большой глоток коктейля, прежде чем принять раскрытую ладонь Эрика как приглашение на танец. О, быть в Париже! Это само по себе декадентство. Эрик и Изабель так далеки от мамы, Суазик и их маленькой жизни в Трегастеле и кажутся какими-то экзотическими существами.

Позже они садятся за обеденный стол, и беседа приобретает светский характер.

– Как поживает твоя мать? – спрашивает Эрик.

Жозефина пожимает плечами.

– Хорошо. – Ей совсем не хочется говорить об этом. Во всяком случае, сейчас.

– Она все еще работает в том большом доме?

– С понедельника по субботу. – У Жозефины кружится голова от вина и танцев. – Иногда я воображаю, что у нее там другая семья.

– Что заставляет тебя так говорить? – Тон Изабель резок.

²⁰ «Признаюсь, я страдал, в отличие от вас, любовь моя» – строки из песни «Жаванеза» (*фр.*).

Жозефина сама удивлена тем, что произнесла это вслух. Она допивает коктейль.

— Ну, она действительно проводит там большую часть времени. У нее могла бы появиться двойная жизнь. Муж, другие дети.

Эрик смеется и снова наполняет бокал Жозефины:

— Какое у тебя живое воображение! Мужчина — да, я могу себе представить мужчину, ведущего двойную жизнь. Но не женщину. Что за фантазии!

Изабель хмуро поглядывает на Эрика.

— В самом деле можешь?

Жозефина не уверена, шутит Изабель или говорит серьезно.

— Твоей матери порядком досталось. — Изабель снова обращается к Жозефине. — Нелегко быть матерью-одиночкой. Она была вынуждена работать за двоих. Ты не должна винить ее за это. После войны было трудно найти работу. Выбирать не приходилось.

— Хорошо, что у меня была Суазик. Она практически заменила мне мать.

Холод проступает в глазах Изабель.

— Суазик спасибо за то, что приютила вас, но что бы ни делала твоя мать, она старалась только ради тебя.

Это уже слишком! Жозефина готова выложить правду; алкоголь придает ей смелости. Она залпом выпивает второй бокал. Эрик снова подливает ей шампанского.

– Эрик, полегче. Жозефина, наверное, не привыкла к выпивке. – Изабель встает из-за стола, убирает тарелки, оставляя Жозефину наедине с Эриком. Теперь придется подождать, пока она вернется.

Жозефина делает маленький глоток, размышляя, с чего начать.

– Я знаю, почему никогда не встречалась со своим дедушкой. – Она поднимает глаза на Изабель, когда та возвращается с сырной тарелкой. – И почему мама никогда не хотела привозить меня в Париж.

Изабель бросает взгляд на Эрика, когда ставит тарелку на стол, и снова поворачивается к Жозефине.

– Что ты имеешь в виду? Твой дедушка был болен с тех пор, как побывал в немецких лагерях.

Жозефина поднимает бровь.

– Да, должно быть, ему пришлось тяжело. – Она выдерживает паузу. – А еще тяжелее вернуться домой и узнать, что его собственная дочь... – Она не может произнести эти слова.

Кровь отливает от лица Изабель. Эрик кашляет, как будто смущенный. И тягостное молчание повисает, как затишье перед бурей.

– Я знаю о своем отце, – упрямо продолжает Жозефина.

Изабель грузно опускается на стул.

– Что ты знаешь?

– Что он – бош.

– Не употребляй это слово. – Изабель подносит руку ко рту.

– Но ведь он был бошем, не так ли? – Она чувствует, как играют в ней пузырьки шампанского, придавая ей больше смелости, чем следовало бы. – Почему все вы скрывали это от меня? Тебе не кажется, что я имела право знать, кто мой отец? – Жозефина осознает, что ее тон агрессивен. Но обида смешивается с новообретенной дерзостью. – Это объясняет так много, много всего, чего я никогда не понимала. – По выражению лица Эрика она догадывается, что ей пора заткнуться – сказано достаточно. Она пытается взять себя в руки.

Изабель тянется к ней, накрывая ее руку ладонью.

– Что тебе рассказывала мама?

– Я нашла свое свидетельство о рождении.

– Нашла?

– Да, на самом деле я его искала. И там указано имя моего отца. Это вовсе не Фредерик, как мне говорила мама. Это немецкое имя! Себастьян Кляйнхаус.

Изабель переходит на шепот:

– Она назвала его? Я всегда полагала, что она записала в свидетельстве «отец неизвестен».

Жозефина в замешательстве.

– Но он не был неизвестен. Вы все знали о нем!

– Разве ты не видишь? Она понимала, что однажды ты все узнаешь. Она хотела рассказать тебе, просто решила подо-

ждать, пока ты будешь готова.

– Готова! Она не должна была скрывать это от меня.

– Я представляю, как тебе, должно быть, неприятно вот так узнавать об этом. – Изабель нежно сжимает ладонь Жозефины. – Но ты должна понять, как тяжело было твоей матери. Ей некуда было идти, когда она обнаружила, что беременна тобой. Суазик – единственная, кто согласился приютить ее. Но она и слышать не хотела о твоём настоящем отце.

– Это не имеет такого уж значения. – Эрик берет с тарелки большой ломтик сыра бри. – Все это в прошлом. И не меняет того, кто ты есть.

Жозефина отдергивает руку и подпирает подбородок ладонями. Такое впечатление, что они видят в ней избалованного ребенка, впавшего в истерику. Во всяком случае, ей кажется, что в глазах Эрика она выглядит именно так. Они не понимают, что весь ее мир перевернулся; она это чувствует, просто не может объяснить.

– Еще как меняет, – начинает она. – Я не та, кем себя ощущала. Я не дочь французского героя. Я... – Она не может произнести это слово. – Это все меняет.

– Ты такая же, какой была и раньше. – Эрик кладет сыр на ломтик багета. – Это твой отец другой. Не ты. – Он говорит со знанием дела, и Жозефина начинает задаваться вопросом, не поднимает ли она шум из-за пустяков.

– И смотри, как все замечательно для тебя сложилось, –

добавляет Изабель. – У тебя любящая мать, у тебя Суазик. И у тебя есть мы. – Она делает паузу. – И ты в Париже!

– Но... – Сердце Жозефины бьется сильнее. – Я не могу думать о себе так, как раньше. – Ей нужно высказать вслух мысли, проносящиеся в голове. – У меня такое чувство... я словно оторвана от себя прежней. Это была не я.

Эрик хмурится, пережевывая хлеб.

– Как будто стерлась моя личность, – продолжает Жозефина. – И теперь я стала другой.

– О, да ладно. Ты такая же, какой была всегда. – Эрик перестает жевать.

– Нет, я не такая! – Жозефина смагивает слезы. – Я не такая, – повторяет она шепотом.

– Жозефина, – тихо говорит Изабель. – Твоя мать и твой отец любили друг друга. Это все, что тебе нужно знать.

– Нет! Как ты можешь говорить такое? Он был бошем!

– Пожалуйста! Не употребляй это слово. Надеюсь, ты не произносила его при своей матери. – Изабель колеблется. – Что именно рассказала тебе мать?

Жозефина чувствует, как жар приливает к щекам.

– Немного, – бормочет она, намереваясь признаться в том, что сбежала, прежде чем дать матери шанс что-либо объяснить.

Но тут вмешивается Эрик.

– Послушайте, – авторитетно заявляет он. – Давайте не будем спорить. Вероятно, для Жозефины было потрясением

узнать о том, что ее отец был бо... немцем. Но это не меняет того, кто ты есть, Жозефина. – Он улыбается ей, включая все свое обаяние. – Не позволяй этим мыслям испортить тебе время, проведенное здесь. – Он протягивает ей сырную тарелку. – Бри очень вкусный.

Жозефина отрицательно качает головой, проглатывая стоящий в горле ком, и поворачивается к Изабель.

– Ты знаешь, чем он здесь занимался? Какова была его роль?

– Разве твоя мать не говорила тебе? Он был переводчиком.

– Переводчиком? – Звучит не так зловеще, даже вполне обыденно, и Жозефину захлестывает волна облегчения.

Изабель сжимает ее плечо:

– Пожалуйста, не расстраивайся, Жозефина. Он не был плохим человеком. – Изабель встает из-за стола и, наклоняясь, обнимает ее. – Моя бедная маленькая девочка. Тебе стало бы легче, если бы я рассказала все, что знаю о твоём отце? Если бы мы поговорили о нём? О том времени? Обо всех нас?

– Да. – Слезы текут по щекам Жозефины. Слезы облегчения и благодарности. – Да. – Это то, чего она хочет. Ей нужно знать, кем на самом деле был ее отец. И кем на самом деле была ее мать.

Часть вторая. 1944

Глава 7

Париж, апрель 1944 года

Элиз

Париж притих. Боши не пищали клаксонами так, как привыкли парижане. Их черные автомобили ездили быстро и бесшумно и, подобно катафалкам, возвещали о смерти. Передвигаясь пешком, они не прогуливались, но расхаживали с важным видом, и эхо подкованных сапог разносилось по пустынным улицам. Париж больше не был Парижем. Теперь это был оккупированный город, и даже здания, казалось, затаили дыхание в ожидании. Не стало ни цветов на балконах, ни легкого смеха, ни музыки на улицах. Немецкие солдаты, базирующиеся в городе, скорее всего даже не подозревали, что они лишили Париж сердца. Все, что они видели, это впечатляющие здания Османа, прогрессивную архитектуру звездообразной площади вокруг Триумфальной арки, рестораны, кабаре, магазины, шампанское, вино. И этого им было достаточно. Им это нравилось. Но это был не Париж. Париж спал, ожидая, когда его спасут.

У меня заурчало в животе, когда я пересекала площадь

Сен-Сюльпис. Я остановилась у фонтана, устремила взгляд на высокую церковь и вознесла безмолвную молитву. *Пожайлуйста, сделай так, чтобы это поскорее закончилось.*

— *Bonsoir, mademoiselle*²¹. — Ко мне подошел молодой солдат. — Огоньку не найдется? — Он протянул сигарету.

Мне хотелось выбить ее у него из рук. Я знала, что огоньку и у него найдется; он просто хотел проверить, не из тех ли я девушек, кто согласился бы на сигарету, потом на выпивку и, может быть, на ужин, а уж дальше кто знает на что еще. Я отрицательно покачала головой и пошла прочь; мои руки дрожали, когда я засовывала их в карманы, сердце колотилось. Он мог пойти за мной, арестовать ни за что.

Я поспешила через площадь и вниз по маленькой улочке, быстро толкнула большую тяжелую дверь в подъезд и проскочила в нашу квартиру на первом этаже. Прямо с порога меня окутал запах вареной капусты. Закрыв за собой дверь, я прижалась к ней спиной, испытывая облегчение и вдыхая знакомую капустную вонь.

— *Bonsoir!* — крикнула я, направляясь на кухню.

Мама вытерла мыльные руки о фартук, прежде чем поцеловать меня в щеку, и тут заметила, что я вернулась ни с чем.

— А что, хлеба не было?

— Нет.

Полуулыбка тронула ее губы, но не коснулась глаз.

— Тогда сегодня только суп. Садимся?

²¹ Добрый вечер, мадемуазель. (*фр.*)

Я последовала за ней в столовую, где моя младшая сестра Изабель накрывала стол к ужину. В свое время мама думала, что у нее больше не может быть детей, а потом, как маленькое чудо, появилась Изабель, спустя тринадцать лет после моего рождения. Длинная коса сестренки раскачивалась из стороны в сторону, пока она старательно расставляла суповые миски на большие белые тарелки, как будто после супа должно последовать еще одно блюдо. Я чмокнула ее в обе щеки.

– Хороший был день на работе? – спросила она наигранно взрослым голосом.

– Да, спасибо. А как дела в школе?

– Скука. Марк ушел. – Мы с мамой переглянулись. Опять депортация? Изабель перехватила наши взгляды. – Он, похоже, не вернется. Мадам Серье сказала, что у него бабушка и дедушка – евреи.

– Господи, это когда-нибудь прекратится? – Моя грудь горела от ярости и чувства бессилия. Невинных людей каждый день арестовывали и отправляли бог знает куда, в то время как большинство из нас беспомощно стояли в сторонке, радуясь хотя бы тому, что избежали такой же участи.

Мама вздохнула и отвернулась.

– Мы просто должны подождать. Рано или поздно все закончится.

– Что? Когда их всех депортируют? – выпалила я ей в спину.

Она замерла, как и все вокруг, и тяжелая тишина вползла в комнату. Изабель с тревогой посмотрела на меня. Я расстроила маму.

Мама изо всех сил старалась делать вид, будто ничего не произошло, жизнь идет своим чередом; она никогда не жаловалась, не задавала вопросов, не высывалась. Ее порядком огорчило мое решение стать волонтером в UGIF – *Всеобщем союзе французских евреев*²², – куда в конце концов попадали многие еврейские дети-сироты. Я относила им старую одежду и иногда еду, если у нас что-либо оставалось, хотя мы сами жили впроголодь, но помогала любая мелочь – случайная картофелина или морковь, несколько капустных листьев.

Если бы мама знала, чем еще я занимаюсь в UGIF, она пришла бы в ярость.

Изабель аккуратно разложила ножи и вилки по краям тарелок.

– Изабель, нам не понадобятся ножи и вилки, – невольно вырвалось у меня. Почему я так и не научилась держать рот на замке?

– Ты же знаешь, я люблю правильно сервировать стол, – встряла мама, прежде чем Изабель нашлась с ответом. Изабель, должно быть, чувствовала, что ею командуют сразу две матери; возможно, сказывалось отсутствие отца дома. Папу

²² Организация, созданная в 1941 году французским политиком-антисемитом Ксавье Валла при режиме Виши, чтобы вывезти евреев по Франции и обеспечить их изоляцию от остального населения.

отправили в Германию – на принудительные работы. Когда мы увидели плакат, призывающий мужчин его возраста, нас охватил ужас. Отец, работающий на бошей. Это было невообразимо. Но однажды утром после долгой ругани, криков, проклятий и хлопанья дверями он ушел. Мы были опустошены и подавлены таким его уходом, но, по правде говоря, потом нам стало как-то спокойней. Вместе с отцом ушли мрачные настроения, скандалы, жизнь как на иголках в ожидании, что он взорвется в любой момент. Мне было интересно, что чувствует мама. Никто никогда не знал, что у нее на душе.

– *Asseyez-vous, les filles*²³. – Придав своему голосу бодрость, мама направилась на кухню. Вернувшись, она поставила большую супницу на середину стола, села на стул и сложила руки в молитве.

– Благослови, Господь, пищу нашу. Сохрани нас в безопасности. Аминь.

Мы с Изабель пробормотали «аминь» и протянули маме наши миски. Она разлила половником водянистую желтую похлебку, в которой попадались кусочки картофеля, после чего мы расстелили на коленях салфетки – как будто могли пролить хоть каплю.

– *Bon appétit, mes filles*²⁴.

– *Bon appétit*.

²³ Садитесь, девочки. (*фр.*)

²⁴ Приятного аппетита, мои девочки. (*фр.*)

– Я положила совсем немного соли, так что, возможно, вам захочется подсолить.

– Передай перец, пожалуйста.

– Не хотите ли воды? – Мама подняла графин, как будто бы с вином, и мы с Изабель протянули ей свои бокалы.

И так мы приступили к обычному ужину, медленно потягивая суп, наслаждаясь каждой ложкой. Я схватила мельницу для соли и покрутила потертую деревянную ручку, наблюдая, как полупрозрачные кристаллы падают в похлебку – и растворяются. *Как и мы, пытаются стать невидимыми*, подумала я про себя.

Изабель понесла ложку ко рту, наклоняя ее так, что водянистый суп пролился обратно в миску.

– Так хочется чего-нибудь вкусенького.

– Для начала нам нужно избавиться от бошей. – Я выудила из супа кусочек картофеля.

– Когда это будет? – Изабель вздохнула. – Они всегда были здесь?

Ей было всего шесть, когда они прошли маршем по Елисейским Полям; теперь, в свои десять лет, она едва помнила время до их прихода в Париж. Мои мысли обратились к Фредерику, моему жениху, которого четыре года назад отправили вместе с другими французскими солдатами защищать линию Мажино. Но ее невозможно было защитить от немецких танков. Фредерик так и не вернулся. Больше всего меня огорчало то, как он уходил на войну: так охотно, с та-

ким энтузиазмом. Такой глупо наивный. Какая пустая трата жизни.

Мне часто снилась еда; мягкое печенье «мадлен», тающее во рту, круассаны, которые я разламывала, растягивая пальцами нежнейшее тесто. В то утро мне снились *pains aux raisins*²⁵, когда что-то разбудило меня. Я снова закрыла глаза, надеясь вернуться в сон, но пустой желудок воспротивился. Так что вместо сладких снов я побрела на кухню в поисках нашего «фирменного» кофе – цикория с желудями, – надеясь, что он облегчит муки голода.

– *Bonjour*, Элиз, – поприветствовала меня мама, чмокнув в щеку. – Мадам Дюмезон вчера принесла кое-какую одежду; ей надоело, что ненужные вещи занимают столько места в шкафу. Если хочешь, можешь отнести их в UGIF.

– *Merci, Maman*.

Она ответила на мою благодарность легким кивком, но ее губы были поджаты.

– Если ты настаиваешь на продолжении своего волонтерства. – Она пристально посмотрела на меня. – Я знаю, ты думаешь, что помогаешь бедным еврейским сиротам, но эти приюты создали только для того, чтобы следить за евреями, и за тобой будут следить, если ты продолжишь ходить туда.

– Я знаю, но у этих детей больше ничего нет, без нашей помощи они умрут от голода.

²⁵ Булочки с изюмом. (*фр.*)

– Просто будь осторожна, Элиз. Нам не нужны неприятности.

Я помолчала, задаваясь вопросом, догадывается ли она о том, что у меня на уме, но потом отбросила эту мысль. Если бы мама знала, то не отпустила бы меня. Я быстро выпила свой эрзац и отправилась в путь с двумя коробками одежды. Свернув на рю Сен-Жак, я увидела группу женщин возле парикмахерской; волосы у всех были убраны под тюрбан. Этот головной убор позволял экономить на мытье головы и выглядел довольно шикарно в некотором смысле. Не то чтобы я сама стремилась к шику – наоборот, предпочитала носить короткую стрижку и брюки, что угодно, лишь бы избежать внимания немецких солдат.

– *Vos papiers!*²⁶ – Двое патрульных преградили мне путь.

Я остановилась, сердце бешено колотилось. Погруженная в свои мысли, я попросту не заметила патруль.

– *Oui, messieurs*²⁷. – Я бросила коробки на тротуар и полезла в карман за удостоверением личности. Тот, что повыше, выхватил его у меня. Затаив дыхание, я наблюдала, как он внимательно изучает документ, и ждала, пока мне вернут мою бумажку, но патрульный не торопился.

– Что в коробках?

– Одежда для UGIF. – Я старалась, чтобы мой голос звучал ровно.

²⁶ Ваши документы! (фр.)

²⁷ Да, господа. (фр.)

– Откройте их.

Мои пальцы дрожали, пока я вскрывала картонную коробку, чтобы предъявить ее для обыска. Старший передал напарнику мое удостоверение личности и запустил обе руки в коробку. Струйка пота побежала по моей спине, пока он шарил в ворохе вещей, вероятно, надеясь найти что-нибудь ценное вроде радиоприемника или, может, бумаг, содержащих секретные сведения. Он выглядел разочарованным – его цепкие пальцы не наткнулись ни на что, кроме детской одежды.

Напарник вернул мне удостоверение личности.

– Пойдем. – Он подтолкнул старшего локтем. – У нас есть дела поважнее.

Они даже не стали возиться с другой коробкой и оставили меня стоять столбом, а сами пошли прочь, видимо, в поисках более крупной добычи. Я подождала, пока утихнет пульс, прежде чем поднять коробки, но так и обливалась потом всю дорогу до самого приюта. Почему они остановили меня? Неужели я под подозрением? Или они догадывались о том, что я задумала? Слова мамы звенели у меня в ушах: «Просто будь осторожна, Элиз. Нам не нужны неприятности». Я знала, что подвергаю риску не только себя, но и маму с Изабель, без их ведома или согласия.

С тяжелым сердцем я свернула на рю Клод Бернар. Входная дверь оказалась заперта, и пришлось постучать, чтобы меня впустили. Лия открыла дверь и приняла у меня короб-

ки. Не говоря ни слова, она кивнула в сторону Анаис, склонившейся над двумя маленькими мальчиками. Держась за руки, те стояли возле голой серой стены, местами облупленной. Младший прикусил нижнюю губу, как будто в сосредоточенности, при этом ковыряя отслоившуюся краску. На щеках старшего мальчугана высохшие слезы проложили соленые дорожки, и я знала, что он сдерживает новые потоки ради своего брата. Он смотрел на меня с самоуверенностью взрослого, видимо, уже приняв на себя роль главы семьи.

– Как тебя зовут? – спросила я.

– Исаак.

– Сколько тебе лет, Исаак?

– Восемь.

– А твоему брату?

– Четыре.

– Я – Элиз. – Я протянула ему руку для пожатия, обращаясь с ним как с мужчиной, кем он и должен быть. – А тебя как зовут? – Я повернулась к младшему брату. Он уже убрал руку со стены и засунул большой палец в рот, наблюдая за мной с подозрительностью.

– Его зовут Даниель, – ответил за него Исаак.

Я дала каждому по леденцу. Исаак сунул свой в карман, едва взглянув на меня. Я предлагала крошечный пластырь на его зияющую рану – конфетку за украденное детство, – и мы оба это знали. Даниель возился с оберткой, и брат забрал у него леденец, аккуратно снимая липкую бумагу, прежде чем

вернуть конфету. По тому, как Даниель запихнул ее в рот и захрустел ею, я догадалась, что он голоден. Я вспомнила о яблоке, что хранила в кармане со вчерашнего дня. Одна мысль о нем унимала остроту голода, который никогда не покидал меня. Я вытащила яблоко, и глаза мальчишек широко распахнулись, что заставило меня задуматься, когда они ели в последний раз. Я протянула яблоко Исааку.

– *Merci*. – Даже не взглянув на угощение, Исаак отдал его младшему брату. Я смотрела, как Даниель откусывает большой кусок, затем еще один. Он уже собирался сделать и третий укус, когда вдруг замер и посмотрел на Исаака большими печальными глазами, после чего передал ему яблоко. Мне захотелось обнять малыша, но вместо этого я открыла коробки, которые принесла, и раздала одежду женщинам.

– Эти двое уходят следующими, – прошептала Анаис, забирая у меня детскую рубашку. – В это воскресенье.

Мне стало не по себе. *В это воскресенье?* Я до сих пор не оправилась от потрясения после утренней встречи с полицией и предпочла бы выждать еще какое-то время. Я не могла избавиться от дурного предчувствия. Просто нервы, сказала я себе. Ничего больше. Я посмотрела на Анаис и кивнула. Это означало, что все остается в силе. Я должна прийти в воскресенье, чтобы сопроводить двух мальчиков в Булонский лес, где они встретят своего *porteur*²⁸, который вывезет их из Парижа на юг и дальше, к швейцарской границе. Мне

²⁸ Проводник (через границу или запретную зону) (*фр.*)

отводилась самая скромная роль, и я понимала, что мой риск – ничто по сравнению с тем, как рискуют другие.

Глава 8

Париж, апрель 1944 года

Себастьян

Париж весной. Себастьян всегда мечтал посетить Город света в это время года. Но не так. Не тогда, когда Париж ша-рахался от него, побежденный и безжизненный. Париж превратился в город темных мундиров, зловещих черных автомобилей, бесшумно проносящихся мимо, подкованных сапог, эхом отдающихся в тишине пустынных улиц. Это был уже не тот Париж, который он посетил восемь лет назад впечатлительным шестнадцатилетним юношей. Теперь он чувствовал себя потерянным и чужим в этом городе, когда-то распахнувшим перед ним свои двери. Он бы предпочел быть дома, в Дрездене, а не в оккупированном Париже.

Он бродил по набережной, разглядывая старые книги и фотографии на прилавках *bouquinistes*²⁹ в темно-зеленых деревянных домиках, выстроившихся вдоль берегов Сены. Ему бы хотелось завязать разговор с кем-нибудь из стариков-букинистов, но он знал, что они просто буркнут в ответ, нарочито глядя в другую сторону. Он не осуждал их и старался не принимать это близко к сердцу. Виной всему его военная форма, ничего личного. Он бы с удовольствием хо-

²⁹ Букинисты (фр.).

дил в штатском в свободное от службы время, но именно потому их и заставляли носить форму постоянно; это служило своего рода напоминанием о принадлежности к Третьему рейху. Всю свою жизнь он принадлежал кому-то другому, но никогда – самому себе. Вот почему часто задавался вопросом, каково это – быть свободным. Иметь выбор.

Себастьян перегнулся через мост, глядя в воды Сены, темно-синие в лучах весеннего солнца. Было тепло, но легкий ветерок с реки не давал разгуляться жаре. Себастьян решил зайти в свой любимый книжный магазин, пока тот не закрылся.

Когда он толкнул дверь, тренькнул колокольчик, заставляя хозяина оторваться от книги. Он кивнул Себастьяну.

– *Bonsoir, monsieur.* – Себастьян снял фуражку и сунул ее под мышку. Две женщины тотчас поспешили к двери, подчеркнуто не обращая на него внимания, проходя мимо с высоко поднятыми головами. Знакомая волна одиночества захлестнула его; их реакция произвела именно тот эффект, на который, безусловно, они и рассчитывали, подвергая его остракизму, вызывая желание провалиться сквозь землю.

Себастьян огляделся, замечая пожилую пару возле полки с атласами. Тяжелая тишина заполнила магазин, и он невольно задался вопросом, насколько оживленная царила здесь атмосфера до его прихода. Он на мгновение замер, собираясь с мыслями и раздумывая, что бы ему почитать. Он уже прочел «Мадам Бовари» и большинство романов Виктора Гюго.

Но в тот вечер его одолевало беспокойство; он и сам не знал, чего хочет. Наверное, того, что уведет его от самого себя. Может, обратиться к поэзии?

Проходя мимо первого ряда полок, Себастьян заметил кого-то, склоненного над книгой. Короткие темные волосы свисали вниз, закрывая лицо, а мешковатые брюки, схваченные широким коричневым поясом, свободно болтались. Он остановился на мгновение, разглядывая тонкую хрупкую фигурку. Когда она подняла глаза, Себастьян увидел, что перед ним молодая женщина. Она холодно посмотрела на него и вернулась к чтению. Он перешел к следующему ряду полок.

Дверь распахнулась, и вошли двое полицейских. Себастьян отступил за стеллаж, с глаз долой; ему стало любопытно, что их привело именно в этот книжный магазин.

– *Papiers!*³⁰

Себастьян выглянул из-за полки, когда пожилая пара предъявила свои удостоверения личности, но полицейские лишь мельком просмотрели их. Вместо этого они принялись расхаживать по рядам, как будто отлавливая кого-то, кто мог прятаться между стеллажами.

– *Vos papiers!* – Себастьян не мог видеть, но догадался, что они обращаются к той молодой женщине.

– *Messieurs*, мне очень жаль. Я оставила их дома.

Он услышал мужской хохот, громкий и насмешливый.

³⁰ Документы! (*фр.*)

– Оставили дома? Здорово придумано.

– Это правда. Они в кармане моей куртки. Я вышла сегодня вечером без нее.

– Без куртки? Где ваша желтая звезда?

– Но... я не еврейка.

– Если у вас нет документов, мы вправе предположить обратное.

– Я не еврейка! Мсье Ле Бользек – он знает меня. Он может подтвердить.

– Мсье Ле Бользек? Слушайте, не пытайтесь втянуть кого-то еще в неприятности. Вам лучше пойти с нами.

Себастьян громко вздохнул, появляясь в поле зрения:

– Почему бы нам не спросить мсье Ле Бользека?

Полицейские уставились на него округлившимися глазами, явно удивленные тем, что немец говорит на безупречном французском, а затем скользнули взглядами по его воротнику и нашивке на левом рукаве с указанием звания. Себастьян был рядовым солдатом, но все же немцем, а они – французами. Иерархию никто не отменял.

– Они – обманщики. Они всегда лгут. – Полицейский положил руку на плечо женщины, словно подтверждая сказанное.

– Я предлагаю вам убрать руку с ее плеча. – Себастьян и сам удивился своему властному тону.

Полицейский тут же отнял руку. Женщина повела плечом, как будто освободилась от тяжелого груза. Себастьян

наконец-то рассмотрел ее. Коротко подстриженные волосы едва доходили до подбородка. Черты лица тонкие и прекрасные, а глаза сияли, как у кошки: зеленые, с желтыми крапинками. В ее облике проступало что-то эльфийское, но при этом в ней чувствовалась внутренняя сила.

– У нее нет с собой документов. – Полицейский опять завел свою шарманку. – Существует закон! Она нарушила закон!

– Не рассказывайте мне про закон! – Себастьян повысил голос, подойдя на шаг ближе. Он намеренно избегал смотреть на женщину. Дело было не в ней. А в этих мелких служаках, злоупотребляющих своим положением. Как же он их презирал! Он повернулся к мужчине за прилавком. – Мсье Ле Бользек?

– *Oui, monsieur*³¹.

– Вы знаете эту женщину?

– Да, знаю, как и ее родителей с тех пор, как она научилась читать. Ее зовут Элиз Шевалье.

– Тогда вы можете поручиться за нее?

– Да, могу. Она из хорошей католической семьи.

– Что ж, договорились. – Себастьян снова повернулся к полицейским. – Нет никакой необходимости беспокоить этим власти. Вы не думали, что у них и без того достаточно работы?

– Но... но... таков закон, – не сдавался высокий. Тот, что

³¹ Да, мсье. (фр.)

пониже ростом, смотрел себе под ноги; очевидно, у него было больше здравого смысла.

– Кто издал эти законы? – рявкнул он. Оба полицейских ошалело уставились на него. – Ну?

– Нацисты, – ответил коротышка.

– Вот именно. А теперь убирайтесь, пока я вас не арестовал.

Не говоря ни слова, они поплелись к двери и вышли из магазина.

Себастьян снова повернулся к женщине.

– Документы следует носить с собой. – Он попытался придать своему лицу суровости, но свет ее глаз, казалось, пронизывал его насквозь, и ему пришлось отвести взгляд. Потеряв дар речи, он откашлялся.

– Сегодня было так тепло, и я оставила куртку дома.

– Да. На этой неделе очень тепло. – Себастьян ослабил воротник; ему вдруг стало трудно дышать. Она кивнула и отвернулась. Себастьян почувствовал, что она просто хочет, чтобы он ушел. Не раздумывая, он схватил с полки первую попавшуюся книгу стихов.

У кассы мсье Ле Бользек взял у Себастьяна книгу и поднял бровь, как будто сомневаясь в его выборе.

– Вы любите поэзию?

Впервые за все время француз обратился к нему с вопросом, и это заставило Себастьяна почувствовать себя обычным человеком. Почти.

– Я не очень-то разбираюсь в поэзии, – признался он. – И подумал... может, стоит попробовать.

– Виктор Гюго. Хороший выбор для начала. – Мсье Ле Бользек вернул книгу и пробил чек. – Три франка пятьдесят, пожалуйста.

Себастьян расплатился и повернулся, чтобы уйти, но мысль о том, чтобы покинуть этот уютный магазинчик и бродить по улицам Парижа в одиночестве, наполнила его ужасом. Он хотел остаться и поговорить с мсье Ле Бользек о книгах, о чем угодно. Он жаждал живого общения, дружеского лица. Не хотелось одиноко наблюдать, как солнце садится над Нотр-Дам. Эти весенние вечера, когда мягко угасал дневной свет, были пронизаны щемящей тоской. На мгновение пустота внутри него, казалось, расширилась, пока не заполонила его целиком, и ее необъятность привела Себастьяна в ужас. Повинуясь порыву, он вернулся к мсье Ле Бользеку. Тот наблюдал за ним, как будто читая его мысли.

Глава 9

Париж, апрель 1944 года

Элиз

Ранним утром я сидела за кухонным столом, снова и снова прокручивая в голове план, проверяя, насколько хорошо запомнила легенду, придуманную для двух братьев. Стенные часы лениво пробили восемь ударов, и я отправилась в путь без завтрака, не нарушая долгий воскресный сон мамы и Изабель – их единственное баловство на неделе. Прогулка по тихим улицам лишь усилила мое беспокойство, и, добравшись до приюта, я оглядела окна квартир напротив. Какое-то неуловимое движение заставило меня оглянуться, но я ничего не увидела. Похоже, просто сдавали нервы. Сделав глубокий вдох, чтобы успокоиться, я постучала в дверь.

Лия сразу же открыла мне.

– Сегодня с нами Альфред.

Я испытала облегчение. Альфред, наш самый надежный *passeur*, совершил уже семь успешных переходов к швейцарской границе.

Исаак и Даниель снова стояли у стены, глядя на меня большими серьезными глазами. Они слишком хорошо понимали, с какой опасностью им предстоит столкнуться. Анаис и Лия выглядели бледными и встревоженными. Все знали:

чем скорее мы это провернем, тем лучше для всех нас. Но прежде чем отправляться в дорогу, протокол обязывал меня задать мальчикам ряд вопросов. Я с радостью отметила, что их отмыли и привели в порядок, так что теперь, с кожаными ранцами и в блестящих ботинках, они вполне могли сойти за прилежных школьников.

– Как тебя зовут? – спросила я Исаака.

– Пьер.

– Молодец. И куда ты направляешься?

– Пожить у своей тети в Альпах. – Он сделал паузу. – Потому что у меня акс... астма. – Он выглядел довольным, когда смог произнести это слово. Затем он закашлялся, прижимая маленький кулачок к груди. Все разыграно как по нотам.

– А это кто? – Я указала на его младшего брата.

– Это Марсель. Ему всего три года. – Я поняла, почему его сделали на год моложе – трехлетнего ребенка могли пропустить без лишних расспросов. Чем меньше дети говорят, тем лучше. Они ведь такие непредсказуемые.

– Три? – повторила я. – Когда у него день рождения?

– Тридцать первого июля.

– А у тебя?

– Пятого декабря.

– Покажи мне ваши документы.

Исаак снял со спины рюкзак, открыл его, после чего, мило улыбаясь, протянул мне их удостоверения личности. Я почувствовала прилив гордости за него. Он отлично справлял-

сы с ролью.

– Мама и папа будут там? – спросил Даниель тоненьким голоском.

Исаак повернулся к нему.

– Я уже говорил тебе. Они должны оставаться здесь, чтобы работать.

– Но почему они не попрощались с нами? – По щекам Даниеля потекли слезы.

– Они попрощались, но ты спал.

Даниель вытер лицо рукавом.

– Почему они не разбудили меня? Я хотел попрощаться.

Исаак обнял брата. Даниель выглядел таким маленьким, таким потерянным, а ему надлежало быть таким сильным.

– Марсель, – тихо произнесла я. Даниель не откликнулся. – Марсель, – повторила я, на этот раз громче. Я посмотрела на женщин, затаив дыхание. Все складывалось не очень хорошо. При таких рисках я бы не смогла забрать мальчиков с собой, и тогда в любую минуту им угрожала депортация. При недоборе квоты полиция всегда приходила сюда, чтобы пополнить контингент.

Исаак подтолкнул брата локтем.

– Ответь ей. Скажи свое секретное имя.

– Я не хочу секретное имя. – Даниель упрямо выпятил нижнюю губу.

– Но это игра, – настаивал старший брат. – Ты должен сыграть в эту игру, чтобы мы могли снова увидеть маму и папу.

— Будет лучше, если он вообще ничего не скажет. — Я повернулась к Исааку. — Попроси его помалкивать. Пусть притворится, что не умеет говорить.

— Хорошо. — Исаак покраснел, как будто ему стало неловко за младшего брата. Или это был страх?

Это было рискованно. Как всегда. Я не была уверена, что они готовы, и знала, что Альфред тоже будет расспрашивать их, прежде чем отправиться дальше в опасное путешествие.

— Пора идти, — произнесла Лия авторитетным тоном. — Возьми с собой еще шестерых детей.

— Да, конечно. — Я всегда выводила из приюта больше детей, чтобы потом вернуться с группой, а не в одиночку, просто на случай, если кто-то следил за нашими передвижениями. Чем черт не шутит? Всегда находились добровольные доносчики, желающие выслужиться перед немцами, чтобы получить какие-то блага вроде квартиры побольше или дополнительных продовольственных пайков.

Лия привела еще шестерых, и мы вместе вышли из здания. Исаак держал брата за руку, пока мы шагали к станции метро, где нам предстояло разделиться. Лия с шестью другими детьми села в последний вагон поезда, как предписано евреям, а мы с братьями зашли в средний. Я мысленно молилась о том, чтобы у нас не проверили документы, хотя в случае проверки нашлась бы что сказать, да и мальчики тоже. В столь ранний час воскресенья даже боши еще не выбрались из своих постелей. Я держала младшего брата за руку, когда

мы устроились в вагоне, где сидели еще двое пассажиров.

— Марсель. — Я с выражением произнесла его вымышленное имя. — Сегодня нас ждет приключение. — Он посмотрел на меня широко распахнутыми невинными глазами, и я сжала его ладошку. — Это будет весело. — Мне хотелось, чтобы он улыбнулся, чтобы выглядел как любой другой ребенок, которого везут на прогулку в лес на целый день. — Мы поиграем в какие-нибудь игры. — Он лишь таращился на меня как на сумасшедшую.

— Да. — Исаак пришел мне на выручку. — И мы устроим пикник.

Два других пассажира глазели в окно, как будто мысленно находились где-то далеко, но кто бы знал, что у них на уме.

Выйдя из метро на станции «Мишель-Анж-Отёй», мы воссоединились с остальной частью группы и направились к лесу. Деревья зацвели, но воздух все еще оставался холодным. Я сделала глубокий вдох, пытаясь унять спазмы в животе. Некоторые дети затеяли возню друг с другом, как будто теперь, на воле, чувствовали себя в большей безопасности. Впереди озеро мерцало в лучах утреннего солнца, и весельные лодки покачивались у берега. Я бы с удовольствием покаталась на лодке со своими подопечными, но, конечно, еврейским детям были запрещены такие удовольствия. Кто-то из ребятишек остановился, поднял с земли палку и швырнул ее в воду.

Мужчина, сидевший на скамейке, поднялся.

– Прекрасный день, не правда ли?

Я обернулась и посмотрела на него. Это был Альфред, наш *passeur*.

– *Oui*, – ответила я. – И у нас тут два мальчика очень взволнованы тем, что едут погостить к своей тете.

– *Bien, bien*³². Это они? – Он повернулся к двум братьям. Я кивнула.

– Пьер и Марсель.

Он протянул свою большую, похожую на лапу руку, и пожал детские ручонки.

– Рад познакомиться с вами, Пьер и Марсель. – Мальчики, как было велено, поцеловали его в щеки – как родственника. Затем Альфред повернулся ко мне. – Оставляй их со мной, – прошептал он. – Обойди вокруг озера. Если я увижу, что они недостаточно хорошо подготовлены, выйду с ними тебе навстречу.

Другие дети поцеловали братьев на прощание, и мы двинулись вдоль берега. Они знали, в чем дело, но им не разрешалось говорить о тех, кто исчезал во время прогулки. После их ухода мы все должны были делать вид, будто их никогда не существовало. У детей это получалось на удивление хорошо, и они никогда не задавали лишних вопросов. Думаю, в глубине души они все понимали. Они были мудры не по годам.

Мы немного побродили вокруг озера, дети уныло пинали

³² Хорошо, хорошо. (*фр.*)

ногами гальку. Я была слишком поглощена своими мыслями и встревожена, чтобы затевать какие-то игры. Я так боялась увидеть Альфреда, возвращающегося с двумя мальчиками. Это означало бы провал миссии. Но больше я их не видела.

Глава 10

Париж, апрель 1944 года

Себастьян

Себастьян встал из-за своего рабочего стола в бывшем здании банка Луи-Дрейфуса, где ныне размещался Commissariat Général aux Questions Juives – CGQJ³³. Не попрощавшись с коллегами, он вышел на площадь Пти-Пэр. Было всего шесть часов вечера, еще светло. Он слегка ослабил тугой воротник, глубоко вдохнул и медленно выпустил воздух, как будто мог полностью выдохнуть горечь и яд письменных доносов, которые был вынужден переводить весь день напролет. В животе заурчало, а в горле разлилось кислое жжение. Он никогда раньше не страдал от изжоги, и у него возникло ощущение, будто она вызвана теми мерзкими словами, что ему пришлось проглотить. Аппетита не было, поэтому вместо того, чтобы устроиться на террасе café и заказать ужин, он решил прогуляться. Как уже вошло в привычку, он направился к реке, пересек мост Луи-Филиппа и вышел на остров Сите, обходя Нотр-Дам с тыльной стороны. Он предпочитал именно этот вид на собор: куда менее гран-

³³ Генеральный комиссариат по еврейским вопросам. Административный орган коллаборационистского правительства Виши, ответственный за реализацию политики режима по отношению к евреям во Франции. (*фр.*)

диозный, с ухоженными уютными садами и ажурными подпорными арками апсиды. Вот она, религия, подумал он, так называемая причина многих войн.

В некотором смысле нацизм сам по себе был религией, с той разницей, что в ней не было ни прощения, ни искупления, ни, конечно же, воскрешения. Но единый Бог? Гитлер? И если не подчинишься его приказам, тебя накажут, возможно, убьют, но прежде ты вынужден страдать за свои грехи. В этой религии не было места для заблуждений или даже понимания. Отдельная личность ничего не значила; все делалось на благо группы. Гитлер понимал психологию масс и не случайно писал, что вся пропаганда должна соответствовать наиболее ограниченному интеллекту среди тех, кому она адресована; не так важна истина, как важен успех. Антисемитская пропаганда служила прекрасным примером; «раса», а не религия лежала в основе дискриминации евреев. Гитлеру удалось объединить людей против общего врага.

Себастьян, как и многие другие, в его представлении, не имел ничего личного против евреев, но был не в силах противиться общему порядку. *Putain!*³⁴ Он должен был предвидеть, чем все обернется. Он проглотил комок желчи, досадуя на то, что теперь не может найти выход.

Снова пересекая Сену, он остановился на мосту, перегнулся через перила, глядя на бегущий внизу поток, на обломки деревьев, уносимые течением. На мгновение он пред-

³⁴ Здесь: Черт! (фр.)

ставил себе, как падает в реку, отдаваясь во власть воды. Наконец он отвел взгляд, прислонился к ограде, отказываясь тешить себя столь мрачными мыслями. Он сунул руку в нагрудный карман, вытащил пачку сигарет «Житан» и, повернувшись спиной к ветру, обхватил зажигалку ладонями, пытаясь прикурить. Но бойкий ветерок от реки задул крошечное пламя, прежде чем оно успело разгореться. Проклятие! Даже сигарету зажечь не получается. В отчаянии и гнев он сломал ее и бросил в воду. Ему все равно не следовало бы так много курить. Раньше он никогда себе такого не позволял.

Продолжая путь по узким извилистым улочкам, он поглядывал на террасы *cafés*, захватившие тротуары. Несколько пожилых мужчин сидели за столиками, наслаждаясь бокалами красного вина, и он бы с радостью присоединился к ним, но чувствовал, как их взгляды прожигают ему спину, когда он проходил мимо. Вздыхнув про себя, он поплелся к Пантеону.

Ноги сами привели его к книжному магазину, и, повинуясь порыву, он толкнул дверь. Его встретил запах пыли и старой бумаги. Он отчетливо осознал, что в зале воцарилась тишина, и невольно задался вопросом, не послужил ли звонок колокольчика предупреждением, чтобы посетители могли быстро свернуть любую незаконную деятельность. Что, если книжный магазин был местом встречи участников движения Сопротивления? Он надеялся, что это не так.

– *Bonjour, monsieur.* – Книготорговец вышел из-за цен-

трального стеллажа, нарушая тишину.

Это приветствие согрело и приободрило Себастьяна.

– Я смотрю, вы работаете допоздна.

– До комендантского часа.

Снова воцарилась тишина, когда последние покупатели бесшумно вышли из магазина. Себастьян смотрел им вслед, зная, что они уходят из-за него и наверняка недовольные тем, как продавец приветствовал его вместо того, чтобы проигнорировать. Себастьян понимал, как люди используют молчание в качестве оружия. Он жалел их, сознавая, что это все, что у них осталось.

– Что ищете? – Книготорговец уставился на него.

– Что-нибудь почитать.

– В самом деле? Что ж, тогда это самое подходящее место. – Пожилой мужчина не улыбнулся, но в его словах чувствовалось легкое поддразнивание, как будто дружеское, даже если их знакомство иначе как шапочным не назовешь.

Это побудило Себастьяна к продолжению разговора. – Я бы хотел больше узнать о французских писателях, может быть, почитать стихи.

– О, да. Поэзия. Слова, идущие от сердца. Но разве вы не купили сборник стихов, когда были здесь в прошлый раз?

Себастьян почувствовал, как к щекам приливает жар.

– Да, – признался он. – Я просто подумал, что вы могли бы еще что-нибудь порекомендовать.

– Поэзия – в конце зала.

Себастьян последовал за ним в дальний темный угол. Запах пыли ударил ему в нос, и захотелось чихнуть.

– Боюсь, поэзия на самом деле не мой конек; вот так залезать в чужую голову... – Книготорговец провел пальцем по пыльным корешкам книг перед ним, как будто отвлекшись на эту мысль. – Как насчет коротких рассказов? Мопассан?

– Пожалуй. Я ничего не читал из его произведений. – Себастьян последовал за ним к следующему ряду полок.

Внезапно книготорговец остановился и повернулся к Себастьяну.

– Насколько я помню, мы не представились друг другу должным образом.

– Кляйнхаус, Себастьян.

– Янник Ле Бользек. – Он протянул руку Себастьяну. – Должен сказать, Себастьян Кляйнхаус, мне понравилось, как ты обошелся с теми полицейскими в тот вечер.

Себастьян почувствовал прилив гордости. Впервые за многие годы кто-то сказал ему что-то приятное.

– Ну, некоторые из них слишком много о себе возомнили.

– Это точно. – Мсье Ле Бользек выдержал паузу. – Послушай, а я ведь не солгал. Я знаю ту женщину с тех пор, как она была ребенком.

Себастьяну стало интересно, с чего вдруг старик решил, что должен сказать ему об этом.

– Откуда вы ее знаете?

– Мать обычно приводила ее в магазин. Здесь она и на-

училась читать.

Себастьян поймал себя на том, что жаждет узнать о ней как можно больше.

– Она студентка?

– Нет. – Мсье Ле Бользек помолчал, как будто раздумывая, стоит ли продолжать разговор. – Она работает в банке, – наконец снова заговорил он, доставая книгу с полки. – Вот. Сборник коротких рассказов. – Он передал книгу Себастьяну. – Впервые в Париже?

– Нет, я приезжал сюда, когда мне было шестнадцать. – Себастьян открыл книгу на титульной странице, но его мысли блуждали где-то далеко. Неужели ему действительно было шестнадцать? Он как будто вспоминал кого-то из другой жизни. – Моя французская бабушка привезла меня в Париж на день рождения, – пробормотал он. – Это был 1936 год.

На кухне их дома в Дрездене состоялось небольшое семейное торжество, где ему вручили высокий бокал с чем-то искрящимся и алкогольным, хотя и не шампанским – как заметила бабуля, это было немецкое игристое. Она чокнулась с ним своим бокалом и, наклонившись, прошептала ему на ухо:

– Шестнадцать! Теперь ты почти мужчина. Пора отвезти тебя в Париж.

Бабуля переехала в Германию, чтобы помочь своей дочери – та, вопреки ее настойчивому совету, вышла замуж за немца, с которым познакомилась в поезде вскоре после Пер-

вой мировой войны. «Как можно знакомиться в поезде?» – не уставала возмущаться бабуля.

К большому неодобрению его родителей, бабуля потратила свои сбережения во Франции, чтобы купить билеты на поезд до Парижа. Как полагали родители, лучше бы она вложила эти деньги в содержание своей немецкой семьи. Тем не менее Себастьян с бабушкой прибыли в Париж ранним вечером и направились напрямик в ее любимый ресторан, L'Escargot, в 1-м округе.

Как только они ступили за темно-красные бархатные портьеры на входе, Себастьян понял, что попал в другой мир. Обеденный зал, источавший роскошь и удовольствие, приветствовал их запахом теплой выпечки и чеснока. С золоченых карнизов свисало еще больше красного бархата, а столы были покрыты белыми скатертями с нежной вышивкой. Потолки были из темного дуба с золотым тиснением, а освещение исходило только от свечей, мягко мерцающих на каждой столике. Атмосфера царила интимная, и даже по прошествии многих лет он мог вспомнить каждую мелочь.

Бабуля сделала для него заказ – улитки на закуску, затем нежное мясо в тесте, которое таяло во рту, и все это в сочетании с плотным красным вином. Он испытывал приятное головокружение, пока она учила его жизни и любви:

– Себастьян, не забывай о своем наследии. Франция – мой настоящий дом, и я надеюсь, что однажды ты будешь думать о ней как о своем доме. Французы умеют жить. Посмотри вон

на ту пару. – Он проследил глазами за ее взглядом. – Никому нет дела до того, что его руки лежат не на столе, а на ней. Влюбленные пары вызывают у нас восхищение; в этом нет ничего постыдного. Оторваться от любимой можно только в случае, когда тебе нужно нарезать мясо или оплатить счет. – Она рассмеялась. – Что ж, у тебя еще уйма времени впереди, чтобы освоить эту науку. А теперь скажи мне, каких писателей вы читаете в школе.

Он с облегчением воспринял смену темы разговора, чувствуя, что «девочки» – это не совсем то, что мальчики обсуждают со своими бабушками.

– Теперь нам разрешено читать только немецких писателей, – ответил он. – Но я все равно читаю Виктора Гюго, прячу «Отверженных» под матрасом.

Бабуля громко фыркнула.

– *Bien!* С чего вдруг они вообразили, будто могут диктовать нам, что читать? Какое невежество! Завтра мы посетим квартиру Виктора Гюго. И купим еще одну его книгу.

На следующий день на площади Вогезов они сидели на террасе café рядом с музеем-квартирой Виктора Гюго, потягивая эспрессо. В зеленом сквере перед домом пара стариков, устроившихся на скамейке, разложили между собой шахматную доску. Все это выглядело так цивилизованно, и Себастьян вполне мог представить себе, как Виктор Гюго прогуливается по парку, останавливаясь поболтать со своими соседями.

В квартире они посетили столовую Виктора Гюго, где Себастьян увидел на стене стихотворение. Бабуля прочитала ему вслух:

Завтра на рассвете, когда снег покроет округу,
Я отправлюсь в путь. Видишь ли, я знаю, что ты ждешь
меня.
Я пойду через леса, я пойду через горы.
Я больше не могу быть вдали от тебя.

Бабуля объяснила, что 19-летняя дочь Виктора Гюго утонула, катаясь на парусной лодке, в результате несчастного случая. Себастьян чувствовал горе и тоску отца почти так же, как если бы это была его собственная дочь, и ему пришлось проглотить комок в горле и отвернуться, чтобы успокоиться, прежде чем он смог снова взглянуть на бабушку. Они прошли дальше по анфиладе комнат в спальню, где бабушка указала на вторую дверь, оклеенную обоями, неразличимую на фоне стены; через эту потайную дверь приходили и уходили любовницы великого писателя.

Солнце уже садилось, когда Себастьян с бабушкой бродили по Лувру, и он проникался красотой и гениальностью картин импрессионистов. Он понимал стремление художников запечатлеть игру света. Он тоже рвался к свету и, преисполненный юношеского оптимизма, был уверен в том, что возможности откроются. Просто надо быть готовым ухватить их.

Когда на следующий день они вернулись домой, отец ошарашил его новостью о том, что вступление в гитлерюгенд стало обязательным.

– И каким тебе показался тогда наш город? – Мсье Ле Бользек вернул Себастьяна в настоящее своим, казалось бы, дружелюбным вопросом, но Себастьян чутко уловил особый смысл слова «наш».

– Красивым. Свет в нем другой, не такой, как в Германии.

– Париж – город света. – Мсье Ле Бользек вздохнул. – Такое клише.

– Нет, это не клише. Так оно и было.

– *Было?* – Мсье Ле Бользек приподнял бровь, и на его губах заиграла полуулыбка.

– Здесь используют белый камень, – продолжил Себастьян. – И от этого все выглядит светлее. В Германии здания темнее.

– Я никогда не был в Германии, – признался книготорговец. – Ну, во всяком случае, за линией фронта. – Он иронически улыбнулся. Конечно, он наверняка сражался на прошлой войне, и вот теперь оказался втянутым в другую войну. Ему можно было простить даже некоторый цинизм.

– Могу я спросить, где ты научился так бегло говорить по-французски?

– Моя мать – француженка.

Мсье Ле Бользек вскинул бровь.

– А отец – немец?

– Да. Я здесь в качестве переводчика, – поспешил объяснить Себастьян.

– Значит, любитель слов.

– Полагаю, можно и так сказать, но вряд ли эти слова поэтические. – Он выдержал паузу, раздумывая, стоит ли продолжать. – Просто бумажная работа, документы, ничего особо важного. – Он не хотел вдаваться в подробности. Мсье Ле Бользек казался довольно безобидным, но хотя и проявлял некоторую теплоту по отношению к нему, было бы наивно предполагать, что это искренне.

Мсье Ле Бользек резко повернулся и снял с полки еще одну книгу.

– Вот, тебе может понравиться.

Себастьян взял у него книгу и взглянул на обложку. «Портрет Дориана Грея».

– Оскар Уайльд. Он же не французский писатель.

– Нет, он ирландец, но это переведено на французский. Очень интересная книга. Думаю, ты получишь большое удовольствие.

Глава 11

Париж, апрель 1944 года

Себастьян

– Черт! – Капелька крови выступила на щеке Себастьяна. Отводя бритву от подбородка, он наклонился вперед, и край раковины неприятно уперся ему в живот, когда он попробовал получше рассмотреть себя в замызганном зеркале. Белки глаз стали водянисто-желтыми, а радужки – мутно-голубыми, как штормовое море. Он был уверен, что раньше они выглядели ярче. Пробежавшись пальцами по жесткой щетине, он подумал о том, как сильно изменился за последние четыре года. Потерял свой блеск – свою искру, *joie de vivre*, – как это ни назови. Он уставился в тусклые, невыразительные глаза, вспоминая, как раньше они сияли радостью жизни. Но теперь он слишком много знал о жизни и о себе.

Его мысли вернулись к женщине из книжного магазина. У нее это было – тот самый внутренний свет. С чересчур острыми чертами лица, она не была классической красавицей, но что-то в ней определенно цепляло. Пожалуй, некий вызов, сила воли. И это его заинтриговало.

Он продолжал водить бритвой по подбородку, морщась, когда лезвие царапало жесткую, сухую кожу. С тем бесполезным мылом, что им выдавали, рассчитывать на хорошую пе-

ну не приходилось. Кое-как закончив бритье, он набросил рубашку на влажное тело, оделся и вышел из своего гостиничного номера на рю дю Тампль. Хорошо хоть его не разместили где-нибудь в казармах, как остальных солдат вермахта. Он относился к административному персоналу, поэтому имел право на собственную комнату, а в реквизированных гостиницах пустовало много номеров.

Добравшись до служебного кабинета, он поймал себя на том, что ему трудно приступить к работе. Он сидел за столом, уставившись на внушительную стопку писем с доносами, ожидающих перевода на немецкий язык. Пусть не он проводил обыски в домах посреди ночи, вытаскивал детей из постелей или потаенных уголков и заталкивал их в поджидающие грузовики. Пусть не он нажимал на курок. Но он, несомненно, оставался сообщником.

С тяжелым сердцем он взял в руки очередное письмо.

Тем, кого это касается.

Как неравнодушные граждане мы сочли необходимым обратиться ваше внимание на то, что сиротский приют UGIF на рю Клод Бернар, похоже, «теряет» детей. Я живу в доме напротив и вот уже несколько недель наблюдаю за передвижениями людей, входящих и выходящих из здания. Иногда детей выводят на прогулку воскресным утром, но количество возвращающихся зачастую меньше первоначального.

Себастьян прервал чтение и потер уставшие, сухие глаза; где-то внутри затягивался тугой узел беспокойства, когда он представил себе сцену, которая последует в приюте: женщин увозят в наручниках на допрос, а шмыгающих носом, ничего не понимающих детей отправляют в Дранси³⁵. Он не понимал, как французские граждане могут доносить на тех, кто спасает детей – детей, которые, возможно, были их соседями.

Дверь в его кабинет была открыта, и он мог видеть, что в соседней комнате кипит работа; пишущие машинки стучали, как выстрелы пистолетов, выпуская очередь за очередью. Он прижал ладони к вискам, пытаясь размышлять спокойно. Сердце учащенно забилося, когда в голову пробралась идея. Весьма опасная идея, и если бы кто-нибудь когда-нибудь узнал, что он сделал, ему пришлось бы распрощаться с этой работой. А, возможно, и с жизнью. Он не был уверен, что у него хватит смелости пройти через это, и потому не торопился с решением, но сложил письмо вчетверо и, ерзая на стуле, засунул в задний карман брюк.

Остаток дня он работал механически, стараясь не думать, и к половине шестого был вконец измотан своими терзаниями. Он не выполнил обычную норму переводов, но все равно встал из-за стола и схватил фуражку. Пришло время принимать решение, а он не мог трезво мыслить, находясь в этом

³⁵ Нацистский концлагерь и транзитный пункт для отправки евреев в лагеря смерти, существовавший в 1941–1944 годах во Франции.

здании. Он стремительно вышел из кабинета и, проходя мимо своих коллег, чувствовал на себе их недоуменные взгляды, но не сводил глаз с двери.

Как только он вырвался на волю, реальность накрыла его резко и сильно, будто кто-то ударил под дых. О чем, черт возьми, он думал? Холодный пот выступил на спине, стояло только представить себе, что они могут с ним сделать, если вдруг узнают, что он унес письмо с доносом. Из-за угла вынырнула черная машина гестапо. Себастьян инстинктивно вжался в стену, дожидаясь, пока она проедет мимо, затем свернул на ближайшую улицу и побрел куда глаза глядят, пытаясь решить, что делать с письмом.

Вскоре он обнаружил, что находится на рю Монмартр, и догадался, что улица ведет в маленькую деревушку, где на вершине холма стоит белая базилика Сакре-Кёр, откуда открывается вид на Париж. Он еще не бывал там, да и не особо жаловал церкви, но это место показалось ему подходящим для размышлений. Он двинулся дальше и минут через десять увидел впереди знаменитую красную мельницу, подсвеченную огнями – «Мулен Руж». Шеренга немецких солдат тянулась вдоль тротуара, и он быстро прошел мимо и свернул в боковую улочку, вскоре достигнув крутой лестницы, ведущей к церкви. Он вцепился в металлические перила, установленные посередине двойной лестницы, чувствуя, как сбивается дыхание по мере того, как ступени поднимаются все выше и выше. Где-то на полпути он услышал музы-

ку и вскоре наткнулся на ее источник: старик брэнчал на гитаре, а две женщины, стоявшие рядом, тихо напевали. Когда они увидели его, музыка резко оборвалась. Он отвернулся и продолжил восхождение, смутно осознавая, что их пение возобновилось.

Добравшись до вершины, он проследовал к церкви по узкой извилистой улочке, огибавшей парк. Купола сияли белизной, как в сказочном замке.

Когда он вошел внутрь, его поразила тишина. Не само отсутствие шума, но мирная и осмысленная тишина. Несмотря на высокие сводчатые потолки, здесь было уютно. Он осторожно обошел зал по краю, рассматривая исповедальни и странные свечи, зажженные в нишах. Оглядев скамьи, он увидел пару десятков прихожан, стоявших на коленях, склонив головы в молитве. Он бочком пробрался к одной из передних скамеек и уселся. В детстве он ходил с семьей в церковь на Рождество и Пасху, и хотя находил эти службы скучными, ему нравилось представлять себе, как Бог наблюдает за ним. Это рождало в нем ощущение безопасности. Что за чушь! Никто не присматривал за ним – ни смертный, ни бессмертный. Он подумал о греческих богах, о том, как они играли людьми, словно пешками на шахматной доске. Такая картинка казалась ему более реалистичной.

По мере того как он впитывал тишину и покой, его охватывало незнакомое чувство умиротворения. Он устремил взгляд на потолок/ Иисус с распростертыми руками смотрел

на него сверху вниз, но его глаза были пустыми, даже безразличными. Если Бог и существовал, то не для таких людей, как Себастьян. Нет, Бог был рядом с жертвами и невинными, с теми, кто искал утешения, а не оправдания. Вдыхая, Себастьян поднялся, чтобы уйти, и тут почувствовал, как хрустнуло письмо в заднем кармане, будто нашептывая ему, что всегда есть выбор, даже в самой безнадежной ситуации. Внезапно он понял, что сделает с письмом.

Пальцы Себастьяна дрожали, когда он держал письмо над алтарной свечой, наблюдая, как бумага, пожираемая пламенем, постепенно чернеет, превращаясь в пепел. Он подул на листок, рассеивая горелые клочья по полу, втирая их подошвой ботинка в бороздки между каменными плитами.

Он вышел из церкви в ночь. *Putain!* Что он такого сделал? Закрывая глаза, он глубоко вдохнул, втягивая воздух в легкие и медленно выдыхая. Необычное чувство гордости охватило его. Пусть он совершил что-то незначительное, а все равно стал как будто выше ростом, расправил плечи как человек, хозяин своей судьбы. Но достаточно ли того, что он сделал? Ведь за этим письмом могут последовать новые доносы. Они как сорняки; выдергиваешь один, а вскоре прорастают другие. Теперь, когда он переступил черту, ему придется следить за ними. И надо бы предупредить людей в приюте, но как? Никто не станет ему доверять; любой, кому он расскажет, подумает, что это ловушка. Единственный француз, кто мог бы его выслушать? мсье Ле Бользек, но он едва

знал этого человека. Тот вполне мог оказаться коллаборационистом, а Себастьян и так уже сунул нос не в свое дело. Нет, нужно хорошенько все обдумать.

Солнце медленно садилось за громаду Сакре-Кёр, когда Себастьян спускался обратно по крутой лестнице. Два солдата поднимались по ступенькам ему навстречу, громко смеясь.

– *Heil Hitler!* – Они остановились, вскидывая руки в фашистском приветствии. Себастьян улыбнулся, вместо того чтобы салютовать в ответ. Тот, что помоложе, нахмурился, но другой солдат спросил, не хочет ли он присоединиться к ним и выпить.

– Не сегодня, спасибо. – Себастьян пытался выглядеть дружелюбным. Он не хотел неприятностей.

– Как угодно, – ответил молодой. – Но поосторожней с девочками, *mein freund*³⁶, у них у всех триппер.

Другой солдат хлопнул приятеля по спине.

– Ну, тебе ли не знать?

Себастьян оставил их, когда они зашлись от хохота, и зашагал вниз по лестнице.

Из тени его окликнул женский голос. – Эй, солдатик. – Как кошка, девушка подкралась к нему, легонько дотронувшись до плеча. – Ищешь компанию на вечер?

Было слишком темно, чтобы разглядеть ее как следует, к

³⁶ Мой друг. (нем.)

тому же большая шляпа частично скрывала ее лицо. Запах уксуса ударил ему в нос. Себастьян проигнорировал ее и пошел дальше, но в следующее мгновение почувствовал укол сожаления. Компания ему бы не помешала, и что плохого в том, что женщина продает себя, чтобы заработать немного денег? Бывают вещи и похуже. Гораздо хуже. Мужчины и женщины занимались проституцией каждый день, просто чтобы выжить. Мальчишкой он продавал себя, даже не осознавая этого, когда выигрывал спортивные трофеи для гитлерюгенда, выпитывая похвалу, маршируя в униформе, чувствуя себя одним из немногих избранных. Каким же идиотом он был! Хуже, чем дешевая шлюха.

Его вдруг потянуло выпить, и он зашел в первое попавшееся café у подножия лестницы. Когда он сел на табурет и заказал коньяк, то заметил двух женщин в другом конце бара. Под задранными подолами платьев белели незагорелые бедра, нарисованные стрелки на задней части ног имитировали наличие чулок.

Внезапно они оказались рядом с ним.

– Как насчет того, чтобы угостить дам выпивкой?

Он скорее восхитился, чем возмущился, их дерзостью и попросил у бармена графин белого вина, который бесцеремонно подтолкнули через стойку, так что Себастьяну пришлось наливать самому.

Они чокнулись бокалами, обмениваясь взглядами.

— *Santé*³⁷. — У одной из них черная подводка бежала по нижнему веку, а темно-красная помада сливалась с фиолетовым контуром губ. На лице другой женщины косметики не было, зато выделялись губы, полные и чувственные. Она выпятила их, когда сунула сигарету в рот и глубоко затянулась. Он наблюдал за ней, пока пил вино, чувствуя, как ее рука медленно, но уверенно массирует его бедро, поднимаясь все выше. Затем она наклонилась вперед, прижимаясь к нему мягкими грудями, и прошептала на ухо:

— Две лучше, чем одна. Мы можем сделать тебя очень счастливым. — Ее рот скользнул вниз по его шее, слегка покусывая кожу. Он на мгновение закрыл глаза, наслаждаясь первой волной возбуждения. Затем он почувствовал, как другая спутница провела по его щеке острым ногтем.

— Что скажешь, *soldat*? — прошептала она.

Именно слово *soldat* отрезвило его — как и неожиданное дуновение знакомого запаха. Таким одеколоном пользовался его командир. Пробудившееся желание быстро угасло.

— Послушайте, милые дамы, я должен идти, но вы угощайтесь вином. — Он бросил несколько монет на прилавок и повернулся, чтобы уйти.

— Ты еще не знаешь, что теряешь, *soldat*! — крикнула ему вслед одна из них.

Комендантский час уже наступил, и в городе царила совсем иная атмосфера. Находиться вне дома могли лишь те,

³⁷ Ваше здоровье! (*фр.*)

кто имел на это право – немцы или приравненные к ним местные. К проституткам относились терпимо, хотя нацисты предпочитали, чтобы они работали в одном из учрежденных борделей.

По пути к метро его внимание привлекла девушка, что стояла возле стены. В ней сквозило что-то неземное, как будто ее мысли блуждали где-то далеко-далеко, и на щеках играл прелестный румянец.

Он остановился.

Она подняла глаза и улыбнулась. Открыто и непринужденно, и он поймал себя на том, что улыбается в ответ. Он уже собирался идти дальше, когда она шагнула к нему и, не говоря ни слова, вложила свою ладонь в его руку. Ладонь казалась невесомой и хрупкой – такую, наверное, можно раздавить одним крепким пожатием. Он невольно стиснул ее.

– Ай! – ахнула девушка.

Ослабив хватку, он улыбнулся.

– *Pardonnez moi*³⁸. – Страх в ее глазах мгновенно сменился облегчением. Как же она уязвима. Он мог сделать с ней все что угодно, и некому было бы ее защитить. Это неправильно, все так неправильно.

– Не хочешь выпить со мной? – предложила она.

Он сунул руку в карман и вытащил бумажник.

– Сегодня не могу, – сказал он. – Но вот, возьми это. – Он вложил ей в руку пятифранковую банкноту.

³⁸ Простите меня. (*фр.*)

– *Merci, monsieur, merci!* – крикнула она ему вслед, когда он зашагал прочь.

Глава 12

Париж, апрель 1944 года

Себастьян

Себастьян взглянул на стенные часы – только 5:00. Откинувшись на спинку стула, он заложил руки за голову, поводя затекшей шеей из стороны в сторону и поглядывая на своих занятых коллег, склонившихся над пишущими машинками или стопками бумаг. Его терзало беспокойство, и мысль о том, чтобы снова ужинать в одиночестве, угнетала.

Вздохнув, он посмотрел на кипу писем, ожидающих перевода с французского, и решил, что сделает еще пару, а потом уйдет. Глаза пересохли от напряжения, и потому он выудил из стопки письмо, напечатанное на машинке; такие всегда легче читать. Он просмотрел текст, подписанный *Un Homme Honnête*³⁹, разоблачающий кого-то как коммуниста. Обычная история – если не еврей, то непременно коммунист. Он вставил чистый лист бумаги в пишущую машинку и начал набирать дословный перевод.

Часы показывали ровно 5:30, когда он ушел с работы, и некоторые коллеги снова проводили его недоуменными взглядами. Пересекая Пон-Неф⁴⁰, он остановился, наблюдая

³⁹ Честный человек. (*фр.*)

⁴⁰ Старейший из сохранившихся мостов Парижа через реку Сену. Построен в

за тем, как тащится по реке длинная баржа, низко осевшая под тяжестью груза. Продолжая путь по набережной на другом берегу, он проходил мимо террас кафе, где за столиками немецкие солдаты сидели с француженками. Он не мог не задаваться вопросом, что эти женщины на самом деле чувствуют к ним. Неужели просто рассматривают своих спутников как талоны на питание? Или все-таки испытывают какие-то эмоции? Впрочем, имеет ли это значение?

Незаметно для себя он снова очутился у книжного магазина. Прозвенел колокольчик, когда он толкнул дверь, и книготорговец оторвал взгляд от полки, где наводил порядок. Себастьян увидел, как в глазах мсье Ле Бользека промелькнуло узнавание, но в следующий миг они стали холодными. Вероятно, ему не были так рады, как он себе напридумывал.

Снова звякнул колокольчик. Вошла пожилая дама, кивая в знак приветствия.

– *Bonsoir, madame.* – Мсье Ле Бользек улыбнулся ей.

– *Monsieur,* – коротко ответила она, поворачиваясь к Себастьяну и хмуря брови.

– *Bonsoir, madame,* – не преминул произнести Себастьян.

Пожилая дама посмотрела на него долгим пристальным взглядом и, не сказав больше ни слова, отвернулась и стремительно вышла из магазина. Себастьян услышал, как мсье Ле Бользек громко вздохнул и на мгновение застыл от неловкости.

– Сожалею. Кажется, я отпугиваю ваших клиентов. – Себастьян подумал, не лучше ли ему уйти.

– Не переживай. Она все равно никогда ничего не покупает. Нынче я продаю не более двух книг в день.

Атмосфера сгустилась, и Себастьян все острее ощущал одиночество и отчуждение. Уходить совсем не хотелось. Он снял фуражку и сунул ее под мышку, затем подошел к полке, где схватил наугад книгу и рассеянно пролистал страницы.

– Надеюсь, мой вопрос не покажется бестактным. – Мсье Ле Бользек последовал за ним, нарушая молчание. – Вам обязательно носить форму, когда вы не на службе?

Себастьян закрыл книгу и посмотрел на него.

– Мы всегда на службе.

Мсье Ле Бользек повел бровью.

– Всегда?

– Так точно. Всегда.

– Надеюсь, вас не заставляют спать в ней?

– Нет. Но меня могут отдать под трибунал, если поймают в гражданской одежде.

Мсье Ле Бользек с минуту изучал лицо Себастьяна.

– Выходит, вы не намного свободнее, чем мы?

– Можно и так сказать. – Себастьян покачал головой. – Нас просто кормят лучше.

– И мыло дают.

– Да. Мы получаем мыло. – Двое мужчин долго смотрели друг на друга, и Себастьян почувствовал, если не ошибал-

ся, конечно, как что-то проскочило между ними: своего рода взаимопонимание.

– Ты прочитал ту книгу Оскара Уайльда? – наконец спросил мсье Ле Бользек.

– Да, вчера закончил, – ответил Себастьян, вспоминая, как распутный образ жизни Дориана в конце концов настиг и его. – Мне понравились описания Лондона.

Мсье Ле Бользек едва заметно приподнял бровь, как бы намекая, что находит ответ Себастьяна несколько поверхностным.

– А как тебе концовка?

– Умно. Рано или поздно поверхность растрескается. – Себастьяну стало интересно, не пытается ли книготорговец провести параллель между нацизмом и жизнью Дориана Грея. В какой-то степени так оно и было – высшие чины Третьего рейха, всегда безупречно одетые, сами служили образцом вежливости, использовали такие эвфемизмы, как «переселение» и «анкетирование», зачастую даже не повышая голоса, как будто речь шла о совершенно обыденных вещах.

– Действительно. – Мсье Ле Бользек снял с полки книгу. – В прошлый раз ты рассказывал мне, что впервые побывал в Париже шестнадцатилетним юношей.

– Да, моя французская бабушка хотела показать мне город, в котором выросла.

– В каком году это было, позволь спросить?

– В 1936-м.

– Год, когда Германия завоевала больше всего олимпийских медалей.

– Да.

– Разве не в тот же год Гитлер обязал детей вступать в его армию?

– Гитлерюгенд? Да.

– Всех, кто моложе восемнадцати.

Себастьян кивнул. Мсье Ле Бользек пристально смотрел на Себастьяна.

– Должен признаться, я подумал, что это было очень умно с его стороны. – Себастьян не знал, что ответить, но тотчас стало ясно, что в этом нет необходимости. Мсье Ле Бользек продолжил: – Это обеспечило ему верную армию, не так ли? Бьюсь об заклад, вам выдавали шикарную униформу. И кормили досыта. – Себастьян опустил глаза, обеспокоенный тем, что проявляет нелояльность, ведет такие разговоры с французом, к тому же практически незнакомцем. – Для вас, мальчишек, это наверняка были хорошие времена. Держу пари, были какие-то игры.

Хорошие времена? Игры? Мысли Себастьяна вернулись к одной из этих «игр».

В ней участвовали «взводы» – группы мальчиков, так называемых единомышленников, за исключением того, что одному из них отводилась роль жертвы. Несчастному давали десять минут на то, чтобы убежать и спрятаться, прежде чем остальные отправлялись на его поиски. Когда они приводили

страдальца обратно к командиру, им предстояло назначить ему наказание. Однажды командир заметил, что Себастьян не участвует в избиении:

– Кляйнхаус, мы слишком мягкосердечны, да? Ударь-ка его ногой в лицо! Это приказ!

Себастьян уставился на свои грубые кованые ботинки, а затем на испуганное лицо мальчика. Он отвел ногу назад, готовый ударить, но тут что-то дрогнуло в душе, иное чувство взяло верх, и он рванул прочь, побежал так быстро, как только мог. Он был лучшим спортсменом в группе и следующие несколько часов так и бежал, спасая свою жизнь. Наконец наступила ночь, и он остался в лесу до самого рассвета.

Когда наутро он вернулся в отряд, лицо командира было суровым и неприветливым. Он подал знак одному из старших мальчиков, и тот с важным видом подошел к Себастьяну, впери в него злобный взгляд. У Себастьяна кровь закипела в жилах, и ему снова захотелось убежать, но сил уже не осталось.

Молниеносным ударом в лицо Себастьяна отбросило в сторону, боль пронзила челюсть. Он попытался подняться, но голова кружилась, и он зашатался, смутно осознавая, что вокруг все гогочут.

– Штрафной изолятор для Кляйнхауса! – Голос командира прозвучал громко и ясно.

Старший мальчик потянул Себастьяна за плечо, толкая перед собой и пиная сзади.

– Что ж, Кляйнхаус, если не умеешь драться, всегда можно убежать. – Смех командира отдавался вибрацией в теле Себастьяна, когда его уводили.

Себастьян задумчиво посмотрел на мсье Ле Бользека, не совсем еще очнувшись от воспоминаний.

– Да, – ответил он. – Игры у нас были.

Глава 13

Париж, апрель 1944 года

Элиз

Я подумала, что вечером по дороге с работы зайду в книжный магазин, поскольку хотела подарить Изабель книгу на день рождения. Мсье Ле Бользек обычно закрывался незадолго до комендантского часа, так что я успевала. В магазине было пусто, когда я вошла.

– Элиз, моя дорогая. Какое счастье. – Мсье Ле Бользек вышел из-за стеллажа. А следом за ним – человек в форме. Немец, что был здесь в тот вечер.

– *Bonsoir, mademoiselle.* – Он дерзнул протянуть мне руку, как будто мы были знакомы.

Я не шелохнулась, уставившись на него. Он даже имел наглость смотреть мне в глаза, но, клянусь, я не собиралась отворачиваться первой и с холодной стойкостью выдержала его взгляд. Должно быть, прошла пара мгновений, хотя казалось, что время растянулось до бесконечности. Я успела заметить, что радужки у немца прозрачно-голубые, как аквамарин в моем кольце. В конце концов он опустил глаза.

– Мне лучше уйти, – произнес он.

Я почувствовала себя триумфатором. И пусть его плечи поникли, а голос прозвучал печально – ничто не могло ис-

портить вкус моей победы.

– Тебе не обязательно уходить, – быстро проговорил мсье Ле Бользек, поглядывая на меня.

Но немец пожал руку мсье Ле Бользеку, кивнул мне, надел фуражку и вышел.

Как только за ним закрылась дверь, мсье Ле Бользек повернулся ко мне.

– Ты не должна быть такой враждебной.

– Мы воюем с ними! – Сердце заколотилось от возмущения. – Он – бош!

– Но он не несет ответственности за войну.

– Они все несут ответственность! Все до единого.

Мсье Ле Бользек покачал головой и вздохнул.

– Он совсем еще мальчик, если на то пошло.

Я закатила глаза, гадая, не найдет ли он еще какие-нибудь оправдания для боша.

– Его зовут Себастьян, Себастьян Кляйнхаус. Он наполовину француз. Его мать – француженка, а отец – немец.

– *Je t'en fous*⁴¹! Какое это имеет значение? Он носит нацистскую форму! – Я выдержала его взгляд, словно бросая ему вызов. Правда, почувствовала себя неуютно в этом противостоянии.

Звякнул колокольчик, заставляя нас обоих повернуться к двери. Вошел молодой человек под руку с пожилой дамой.

– *Bonsoir, mademoiselle, monsieur.* – Они поздоровались с

⁴¹ Мне плевать! (*фр.*)

нами и направились к книжным полкам.

Мсье Ле Бользек повернулся ко мне.

– Забавная эта штука – национальность. Что на самом деле значит быть французом? Или немцем?

Я не совсем понимала, к чему клонит мсье Ле Бользек, и не горела желанием продолжать эту беседу при свидетелях. Разумным казалось просто уйти, но не хотелось расставаться на плохой ноте. Да и книгу купить не мешало бы.

– Ты слышала о гитлерюгенде? – продолжил он.

– Да. – Я сознавала, что нас могут услышать те двое, но они как будто были поглощены книгой, которую вместе просматривали.

– Идеологическая обработка целого поколения. Блестящая идея Гитлера. – Он слегка понизил голос. – Все было построено на национализме. И он не оставил им выбора. Все, начиная с двенадцати лет, должны были вступить в организацию.

– Ума не приложу, почему вы так настойчиво ищете ему оправдания, – прошептала я.

Он тронул меня за локоть.

– Это не оправдания, Элиз. А причины. Когда доживешь до моих лет, ты увидишь мир по-другому, поймешь, что за каждой историей стоит другая история. – Он наклонился ближе ко мне. – Не торопись судить.

Пожилая дама громко кашлянула, и, оглянувшись, я увидела, как молодой человек потирает ей спину. Похоже, это

не помогло. Она снова закашлялась, и я невольно поморщилась.

Мсье Ле Бользек поспешил в заднюю комнату и быстро вернулся со стаканом воды. Он протянул стакан даме, положил руку ей на плечо. Она сделала глоток, глядя на него слезящимися глазами.

— *Merci, monsieur. Merci.*

— Проходите, присаживайтесь. — Мсье Ле Бользек взял ее под руку и подвел к одному из табуретов, которые держал позади прилавка. Я смотрела, как он усаживает даму, не отпуская ее руку, пока говорил с ней тихим, успокаивающим тоном. Я перехватила взгляд молодого человека и увидела облегчение в его глазах. Доброта мсье Ле Бользека заставила меня почувствовать собственную неуклюжесть, и мне стало неловко.

Когда они ушли, мсье Ле Бользек снова обратился ко мне:

— Элиз, не позволяй себе быть такой... такой прямолинейной.

— Что вы имеете в виду?

Он почесал бакенбарды, изучая мое лицо.

— Я знаю тебя с тех пор, как ты была маленькой девочкой. Знаю, как ты относишься к оккупации, к немцам. — Я громко вздохнула. Это не было секретом. — И я вижу, что ты живешь на нервах; я чувствую это. Тебе не обязательно говорить мне, чем ты занимаешься. Я лишь хочу сказать, что никогда не знаешь, кто и когда может оказаться полезен, и порой неплот-

хо иметь врага на своей стороне.

– Вы хотите сказать, что мы можем использовать его?

– Как знать. Прости мне мое высокомерие, но я считаю, что хорошо разбираюсь в людях. Этот мальчик страдает от чувства вины и одиночества – роковое сочетание.

– Мальчик? Он – мужчина!

– Да, ты права. Но он еще так молод, он едва знает самого себя. Он никогда не имел свободы выбора. Был послушным сыном, стал послушным солдатом. Но в нем есть нечто большее. У него беспокойная душа.

– Так и должно быть! – Я все еще не могла поверить в то, что мсье Ле Бользек добивается от меня сочувствия бошу.

Его губы тронула полуулыбка.

– Тебе не повредит, если ты немного поговоришь с ним. – Он сделал паузу. – Конечно, только когда магазин пустует. Мы оба знаем, как люди любят посплетничать. Он далеко от дома, он потерян и одинок. Мне было столько же лет, сколько ему сейчас, когда меня отправили на фронт во время последней войны. Ты думаешь, я хотел воевать? Думаешь, хотел идти и убивать молодых парней, совершенно мне незнакомых, которых погнали туда так же, как и меня? Нет. Но я все равно пошел, верно? Это ничем не отличается от того, что приходится сегодня делать ему: выполнять приказы, потому что альтернатива слишком пугающая.

Я медленно выдохнула. Хотя я и могла понять его точку зрения, проблема для меня заключалась в другом. Я должна

была противостоять врагу, а Себастьян Кляйнхаус как раз и был врагом.

Глава 14

Париж, апрель 1944 года

Себастьян

Кому Он внемлет – нам?
Иль ангелам? Иль демонам?
Что мыслит Он, смотря на нас,
Когда мы спим в тревожный час?⁴²

Себастьян закрыл книгу стихов Виктора Гюго. Он устал, но сон отказывался приносить облегчение. Он выключил лампу, повернулся на бок, но ему было жарко. Слишком жарко. В маленькой комнате стояла нестерпимая духота. Хлопнула дверь. Должно быть, его коллега только что вернулся с ночной прогулки. Раздался легкий женский смех. *Проклятие!* Теперь всю ночь придется слушать, как скрипят пружины кровати.

Он снова включил лампу, мельком взглянув на часы: 2:30. Стук подкованных сапог прервал хихиканье, доносившееся из соседней комнаты. Он вскочил с постели, открыл окна, отодвигая защелку на ставнях, и высунулся наружу, вдыхая прохладный ночной воздух. Мимо прошагали трое сол-

⁴² Отрывок из стихотворения В. Гюго «Ночь» (1846).

дат, держа винтовки стволами вверх. Они остановились перед многоквартирным домом чуть дальше по улице. Один из них прикладом вышиб дверь, и они вошли внутрь.

Через несколько минут они вышли обратно – теперь их винтовки были направлены на голову мужчины. Тот, все еще в пижаме, сцепил руки на затылке. Рядом с ним женщина в ночной рубашке вела за руку маленького ребенка. Когда Себастьян чуть дальше высунулся из окна, детские крики уже затихали, растворяясь в ночи.

Он хотел выбежать на улицу, остановить этот варварский произвол. Но признавал собственное бессилие. Кто он такой? Да никто. Он тяжело опустился на кровать и, сжав кулаки, взялся колотить по матрасу, выплескивая свое отчаяние. Стены комнаты надвигались на него, душили, а кровать в соседней комнате со скрипом уносилась прочь. Он взглянул на свою униформу, висевшую на дверце шкафа. В полумраке она как будто насмеялась над ним, говорила: «Да. Я принадлежу тебе, а ты принадлежишь мне».

Схватив с прикроватного столика пачку «Житан», он закурил, уставившись на форму.

– Я тебе покажу, – пробормотал Себастьян.

Вынув сигарету изо рта, он встал и прижал зажженный кончик к темно-серой ткани кителя. словно загипнотизированный, он смотрел, как огонь прожигает ее насквозь, а затем отступил назад, чтобы полюбоваться идеально круглой дыркой. Скрип кровати в соседней комнате внезапно пре-

кратился, и все стихло. Себастьян затаил дыхание, ожидая, когда откроется и закроется дверь и женщина уйдет. Ему не пришлось долго ждать. Гости с треском захлопнула за собой дверь. По крайней мере, теперь он мог вернуться в постель.

Он бросил окурок в пепельницу на прикроватном столике, погасил свет и лег в темноте. Вскоре накатили волны сна, обволакивая сознание. Он приветствовал их, надеясь, что они унесут его с собой. Но очередная волна обрушилась на него со страшной силой. Он резко проснулся, сердце бешено колотилось. Хенрик. Ему опять снился Хенрик. Россия. Приподнявшись, он вытер пот с липкого лба. Похоже, ему никогда не освободиться от этого. Никогда.

Он встал с кровати, сбросил с себя пижаму, швыряя ее на пол, и впопыхах натянул форму, не потрудившись надеть рубашку. Ему просто нужно было убраться из этой комнаты.

Он бродил по пугающе тихим улицам, а на рассвете наблюдал, как солнце встает над зданиями Османа, прежде чем проскользнул в café, чтобы выпить кофе с круассаном. Была суббота, и делать ему было нечего, поэтому он снова направился к книжному магазину, отчаянно нуждаясь в мало-мальски дружелюбном лице.

В магазине было пусто, и мсье Ле Бользек возился у кассы. Себастьян проследовал в пыльный угол, где хранились сборники стихов. Звякнул дверной колокольчик, и его словно током пронзило. Это была она. Элиз. Он заметил ее сомнения и догадался, что она хочет повернуться и уйти. *Пус-*

кай, решил он. *Имеет право.*

Но мсье Ле Бользек уже бросился ей навстречу.

– Элиз. – Он расцеловал ее в обе щеки. – Рад тебя видеть. – Себастьян взял с полки книгу и притворился, что читает. – Как поживаешь? – донесся до него голос мсье Ле Бользека. – У меня есть кое-что для тебя, чтобы отнести на рю Клод Бернар.

Рю Клод Бернар? Знакомый адрес. *Merde!*⁴³ Это же улица, где находится тот приют. Центр UGIF. Себастьян был уверен в том, что не ошибся.

Мсье Ле Бользек поспешил в заднюю комнату и вернулся с коричневым бумажным пакетом.

– Несколько книг и немного печенья для детей. – Себастьян затаил дыхание, ожидая ее ответа, но она промолчала. Он с трудом заставил себя не оборачиваться и не смотреть на них, а в следующее мгновение услышал, как она попрощалась:

– *Au revoir*, – и звякнул колокольчик. Она исчезла. Мсье Ле Бользек снова суетился возле кассы. *Merde!* Что же делать?

Он подошел к прилавку, ожидая, пока старик поднимет глаза. От волнения у него перехватило горло, когда он думал о том, что собирается сказать. Чудовищные картины гестаповского налета на приют заполонили сознание.

– Я невольно подслушал ваш разговор, – начал он.

⁴³ Дерьмо. (*фр., груб.*)

– Что? – Мсье Ле Бользек настороженно наблюдал за ним.

– Рю Клод Бернар.

Глаза мсье Ле Бользека как будто потемнели.

– И что не так?

– Там находится центр UGIF, не так ли? Сиротский приют.

– Думаю, да. – Мсье Ле Бользек выдержал паузу. – Он существует на законных основаниях. А куда прикажете помещать всех этих детей, чьи родители были депортированы?

– Проблема не в этом. – Себастьян почувствовал, как по коже побежали мурашки, пока он пытался подыскать нужные слова. – У них могут возникнуть неприятности.

– Что ты имеешь в виду? – Мсье Ле Бользек подался вперед через прилавок, его лицо стало пепельно-серым.

– Я не могу сказать. – Себастьян и так выдал слишком много. Он не мог позволить себе большего. – Просто передайте ей, чтобы она была осторожна. Пусть предупредит всех, чтобы были осторожны.

Мсье Ле Бользек схватил его за руку.

– Что происходит?

– Возможно, за домом следят. – Себастьян отстранился. – Вам следует сообщить им.

– Что ты имеешь в виду? Почему за ними следят?

– Я не знаю.

– Но Элиз не сделала ничего плохого. – Какое-то мгновение двое мужчин смотрели друг другу в глаза, и каждый со-

знавал, что такой довод ни на что не влияет.

– Хорошо, я передам ей. Попрошу, чтобы она предупредила остальных, – уступил мсье Ле Бользек.

Себастьян резко повернулся и ушел, прежде чем у него возникло искушение сказать что-нибудь еще.

Глава 15

Париж, апрель 1944 года

Элиз

Мерный стук теннисного мяча отдавался у меня в ушах, когда я шла на работу через Люксембургский сад. Этот звук казался неуместным, как и распускающиеся ранние цветы. На первый взгляд здесь как будто ничего не изменилось, но, присмотревшись внимательнее, можно было заметить, что среди беззаботных прогуливающихся преобладают немецкие солдаты, и глаз резали таблички на газонах: *Interdit aux Juifs* – «Евреям вход воспрещен». Евреев с самого начала подвергли остракизму, а теперь постепенно, но верно изгоняли из города.

Я замерла на месте, и сердце учащенно забилося. Прямо передо мной нарисовался немецкий солдат.

– Вы не сфотографируете нас, пожалуйста? – Он улыбнулся.

Я молча кивнула, жалея, что у меня не хватило смелости проигнорировать его и уйти. Приняв мое молчание за согласие, он протянул мне громоздкий фотоаппарат, объясняя на плохом французском, какие кнопки поворачивать и нажимать. Я не произнесла ни слова, хотя он, казалось, и не заметил этого, а когда я подняла глаза на женщину, повисшую у

него на руке, та отвела взгляд. Я отступила назад, направила камеру на парочку, и женщина широко улыбнулась, ее глаза сверкнули, а красная помада блестела, как порез на лице. Если она лишь притворялась счастливой, это у нее отлично получалось. Мне так и хотелось бросить камеру на землю, но вместо этого я повернула ее под углом, так что в кадр попали только их ноги. Это принесло мне некоторое удовлетворение, и, возвращая фотоаппарат, я улыбнулась.

– *Guten Tag*⁴⁴. – Я выдержала паузу, вглядываясь в круглое довольное лицо солдата, и добавила вполголоса: – *J'espère vous aurez ce que vous méritez*⁴⁵.

Он просиял в ответ:

– *Danke schön*⁴⁶. *Merci, mademoiselle*.

Я быстро зашагала прочь, чуть не споткнувшись о металлическую табличку *Interdit aux Juifs*. Я отшатнулась и уставилась на нее, вспоминая свою подругу Эллен, арестованную вместе с семьей во время облавы «Вель д'Ив»⁴⁷ в 1942 году. Их отвезли на *Vélodrome d'Hiver*, а оттуда, как я слышала, отправили в Дранси, транзитный лагерь. Я послала Эллен три письма, но так и не получила ответа. Где она теперь?

⁴⁴ Добрый день. (нем.)

⁴⁵ Надеюсь, вы получите то, чего заслуживаете. (фр.)

⁴⁶ Спасибо. (нем.)

⁴⁷ Крупнейшая серия массовых арестов евреев во Франции во время Второй мировой войны. С 16 по 17 июля 1942 года в Париже и его предместьях было арестовано более 13 000 человек. *Vélodrome d'Hiver* – в переводе с французского «Зимний велодром».

Что с ней стало? Ярость и ненависть закипели во мне. Захотелось вырвать из земли этот дурацкий знак. Я бы так и сделала, но знала, что это никому не поможет и принесет мне удовлетворение лишь на короткий миг. Поэтому я продолжила свой путь.

– *Bonjour, les filles*⁴⁸. – Войдя в помещение банка, я сняла берет, закинула его вместе с легкой летней курткой на вешалку для шляп и поприветствовала своих коллег, чмокая их в щеки.

– *Salut*, Элиз. – Франсуаза подняла бровь. – По-видимому, сегодня нас посетят боши.

– Немцы, Франсуаза! – Мсье Дегард вошел в комнату. – Нельзя называть их бошами. Во всяком случае, здесь. И да, они хотят проверить некоторые счета. Кто отвечает за счет Дрейфуса?

– Я, – последовал мой ответ.

– Что ж, постарайся, чтобы все документы были у тебя под рукой.

Атмосфера оставалась напряженной до самого полудня, и мы испытали что-то вроде облегчения, когда один-единственный немецкий офицер вошел в банк как раз перед обеденным перерывом. Он оглядел помещение и щелкнул каблуками сапог. Хорошо хоть не зиговал «*Heil Hitler!*», как они обычно делали. Никто из нас не ответил словесно, но все мы подняли глаза, признавая его присутствие. Он был высоким

⁴⁸ Привет, девчонки. (*фр.*)

и стройным, со здоровым румянцем на щеках. Бьюсь об заклад, в выходные он прогуливался по Люксембургскому саду.

– Счет Дрейфуса, – объявил он.

– Вот, все здесь. – Я почувствовала легкую дрожь в своем голосе и надеялась, что немец этого не заметил. Не хотелось, чтобы он думал, будто я его боюсь – это сразу дало бы ему ощущение превосходства, но он и так уже мнил себя хозяином положения. Это было видно по тому, как его глаза жадно обшаривали комнату, когда он, заложив руки за спину, важно направился ко мне. Они всегда одерживали верх.

– *Bien, bien.* – Он говорил с сильным акцентом, и я догадалась, что его французский далек от совершенства, что сняло остроту моего страха, хотя и напрасно. Я встала, протягивая ему папку.

– *Assis, assis*⁴⁹. – Его французский действительно резал слух, и я невольно задалась вопросом, всегда он так повторяет слова или это нервный тик? Даже не открыв папку, он прижал ее к груди и склонился надо мной. – Опустоши его.

Я отстранилась от него.

– Куда нужно перевести деньги? – Я подняла на него нарочито невинный взгляд, в то время как внутри у меня все кипело. Так вот что они задумали, вот в чем цель их визита.

– *Ici, ici*⁵⁰. – Он протянул мне клочок бумаги с номером

⁴⁹ Сидеть, сидеть. (*фр.*)

⁵⁰ Сюда, сюда. (*фр.*)

счета.

– Это другой банк. Мне нужно напечатать письмо.

– *Oui, oui*⁵¹. – В его голосе звучало нетерпение.

Я придвинула к себе пишущую машинку и вставила чистый лист бумаги. Хотя свободного места на столе почти не было, он приткнулся на самом углу, нависая над кареткой и заглядывая в текст, как будто не верил, что я правильно напечатаю цифры. В офисе воцарилась тишина, которую нарушали лишь стук клавиш, набирающих цифры и буквы, которые лишили бы семью всего их состояния, и его тяжелое дыхание, как у зверя, склонившегося над добычей. От этого звука по мне прокатилась волна гнева. Вот он, подлец, крадет деньги одного из наших клиентов прямо у нас под носом, и мы ничего не можем с этим поделать.

Остаток дня я провела, погружившись в таблицы с цифрами, рассчитывая проценты, темпы роста и налоги. Это унесло меня из настоящего в мир чисел. На числа можно положиться. Они не лгут, по крайней мере, если вы умеете их читать. А я умела. Я слишком хорошо понимала, как немцы установили обменный курс, обесценив франк и повысив стоимость немецкой марки. И базирующиеся здесь солдаты, которым платили в марках, становились намного богаче, что позволяло им кутить в наших ресторанах, куда мы и зайти не смели. Они могли покупать дорогие духи, шарфы *Hermès* и шелковые чулки для своих жен, оставшихся в Германии, в

⁵¹ Да, да. (*фр.*)

то время как нам приходилось довольствоваться переделкой старой одежды. Они сорили нашими деньгами, как будто бы их заработали, как будто имели на них право, тогда как на самом деле просто крали эти деньги прямо у нас на глазах. Грабители! Убийцы и воры! Боже, как я их презирала.

В тот вечер я шла с работы быстрым шагом, и кровь все еще кипела от гнева на нацистов и на саму себя как на соучастницу. *Merde!* Я обещала маме, что куплю немного хлеба. Я повернула назад, вспомнив, как она говорила, где сегодня можно его раздобыть. Она оказалась права. Когда я добралась до булочной, там уже выстроилась длинная очередь. Я встала в хвост, позади двух пожилых женщин. Они разговаривали так громко, что я невольно подслушала.

– Нам бы хватало еды, если бы боши не были такими жадными свиньями.

– Тсс!

– О, не волнуйся. В этой очереди их нет. – Женщина огляделась вокруг, цинично посмеиваясь. Я поймала ее взгляд и улыбнулась. – И могу поспорить на свой последний сантиметр, что в этой очереди нет и ни одного коллаборанта. Здесь только мы, лопухи.

– Заткнись, Мишлин!

– Не дрейфь. Им нет дела до нас, старушек. Мы им неинтересны. – Она снова повернулась ко мне. – Ты потому подстригла волосы?

– Прошу прощения? – Я знала, что она имеет в виду, но

ее прямота меня обескуражила.

– Ты не хочешь привлекать их внимание, не так ли?

Я невольно тронула свои волосы, как будто оправдываясь.

– Мне нравятся короткие стрижки.

– Да, тебе идет. Глаза сразу выделяются. – Она сделала паузу. – Но мужчины предпочитают длинные волосы.

– Мне все равно.

Она снова рассмеялась, запрокидывая голову.

– *Bien dit!* Хорошо сказано! Если бы не мужчины, мы бы не стояли здесь в этой проклятой очереди, не так ли?

– Нет, – заговорила ее спутница. – Мы бы танцевали, пели... ели.

– Будь они неладны!

– Все одинаковы.

Я присоединилась к их смеху, радуясь тому, что очередь продвигается. Мне повезло: это был один из тех редких случаев, когда ранним вечером удавалось купить хлеб. Сжимая в руке половинку багета, я возвращалась домой через Люксембургский сад. Озеро мерцало в лучах предзакатного солнца, и, как обычно, немецкие солдаты прогуливались со своими подружками, словно хозяева этого места. Я громко вздохнула, проходя мимо одного из них, лобызającego девушку. Кровь закипела в моих жилах, и я с трудом подавила желание дать пощечину этой потаскухе, накричать на нее. Какого черта она целуется с врагом?

Все безнадежно. Слишком многие из нас приняли их, по-

такали им, вместо того чтобы сопротивляться. И нельзя было точно знать, кому можно доверять, а кто может предать. Я считала, что так не должно быть; нам следует держаться вместе. Но некоторые решили, что могут извлечь выгоду из сложившейся ситуации, и воспрянули антисемиты, которые были только рады избавиться от евреев. На глаза опять попала табличка – *Interdit aux Juifs*. Та самая, о которую я чуть не споткнулась утром. Повинуясь порыву, я пнула ее ногой. Видимо, она была не так уж надежно закреплена, потому что с глухим стуком упала на землю. *Merde!* Я быстро зашагала прочь.

– Что вы делаете? – Ко мне направлялся тот немец, мимо которого я только что прошла.

Сердце замерло. А в следующий миг я инстинктивно пустилась в бегство, уверенная в том, что он не погонится за мной, не бросит свою подружку.

Ох, как я ошиблась. Стук шагов позади меня становился все громче. Я рванула за угол.

И налетела прямо на полицейского.

– К чему такая спешка, мадемуазель?

Я попыталась отстраниться, но он положил руку мне на плечо и усилил хватку.

– *Vos papiers!*⁵² – Я уронила хлеб. – *Vos papiers!* – снова гаркнул он. Дрожащими пальцами я нащупала защелку на сумке. Внутри был суший бардак. Бумаги, книги, ручки –

⁵² Ваши документы! (*фр.*)

все смешалось. Я порылась в этом ворохе, отчаянно пытаюсь найти удостоверение личности.

Подоспел и немец, его грудь тяжело поднималась и опускалась после пробежки.

– Вы арестованы, – прошипел он между вздохами. Мне стало трудно дышать. Хватая ртом воздух, я выронила сумку, и ее содержимое высыпалось наружу. Немец достал наручники и заломил мне руки за спину. Я уставилась на свои вещи, разбросанные по земле. Голова кружилась. Это не должно было произойти!

– Сложи ее вещи обратно в сумку! – крикнул он полицейскому.

Но это происходило! Надо было что-то делать. Я сглотнула, выдавливая слова из пересохшего горла:

– Я споткнулась о табличку. Я не хотела ее опрокидывать. Мне очень жаль! – Я посмотрела на немца. Тот молчал, холодно глядя на меня. – Простите, – пролепетала я.

Он занес руку, но я пропустила момент удара. И вздрогнула от неожиданной пощечины. Я отшатнулась назад и краем глаза заметила, что его подруга пристально смотрит на меня.

– Я забираю ее на рю де ля Помп! – крикнул немец.

О боже, нет! Только не в штаб-квартиру гестапо! В отчаянии я посмотрела на полицейского, но тот отвернулся, явно не желая впутываться в это дело.

– Рю де ля Помп? – тихо заговорила женщина. – Но я думала, что мы проведем вечер вместе...

Немец взглянул на нее и шумно вздохнул.

– Разве ты не видишь, что у меня неотложные дела?

– Но разве полицейский не может ее задержать?

Я затаила дыхание, с ужасом ожидая его ответа. Но все еще надеясь на чудо.

– Нет! Как я могу ему доверять? Мне придется сделать это самому. Она посягнула на немецкую собственность.

Я посмотрела на женщину и увидела, что она колеблется.

– Но Стефан, я так ждала этого вечера. – Она положила руку ему на плечо. – В кои-то веки тебе не надо идти на службу.

– Я всегда на службе!

Она поймала мой взгляд, и я увидела в ее глазах печаль и сожаление. Во всяком случае, она пыталась мне помочь.

Немец схватил меня за локоть и потащил через сад – к припаркованной черной машине. Он грубо втолкнул меня на заднее сиденье, и я больно ударилась плечом. Меня прошиб холодный пот. Они что же, собирались допрашивать меня? *Допрос.* Одно это слово приводило в ужас. Я зажмурилась, пытаясь прогнать мысленные картины того, как меня избивают, вырывают мне ногти, бьют током. Стоп! Этому не бывать. Я признаюсь, что сбила ногой табличку. Тогда они оставят меня в покое, может быть, отправят в тюрьму на несколько дней. Еще один спазм страха пронзил меня насквозь.

Когда мы прибыли на рю де ля Помп, немец выволок меня из машины и повел в здание. Эсэсовцы расхаживали с важ-

ным видом, выкрикивая приказы. У меня подгибались колени, пока он тащил меня по коридору. В какой-то момент я споткнулась и чуть не упала. Он подхватил меня, а затем толкнул на металлический стул возле кабинета. Я закрыла глаза и мысленно молилась Богу, в которого больше не верила.

Глава 16

Париж, апрель 1944 года

Себастьян

Шесть часов вечера, а Себастьян все еще сидел за рабочим столом. День выдался особенно напряженным, и голова раскалывалась от предательских слов, сочащихся из писем, которые он переводил. Как такое возможно, чтобы люди доносили на своих соседей? С таким же успехом они могли бы взять оружие, пойти и расстрелять неугодных. Этот коварный способ, когда кто-то походя распоряжался судьбой своих соседей-евреев под видом «обеспокоенного гражданина», вызывал у него тошноту. И мигрень в придачу.

Рядом зазвонил телефон, заставляя его подпрыгнуть. Он поднял трубку.

– *Heil Hitler!*

– *Heil Hitler!* Здесь офицер Веннер. Вы нужны нам на допросе, рю де ля Помп. Наш переводчик заболел.

– Слушаюсь, офицер Веннер.

– Явиться сразу ко мне, первый этаж.

Себастьян встал из-за стола, схватил портфель. Сердце учащенно забилося, когда он вообразил, что его ждет. До этого его лишь раз вызывали переводить на допросе, и все закончилось так плохо, что он думал, ему, как слабонервно-

му, больше не доверяют такое дело. Его вырвало, когда они привязали руки заключенного к столу и достали плоскогубцы.

Он спустился в метро и сел в первый вагон, всегда зарезервированный для немцев. Он заметил нескольких евреев, протискивающихся в последний вагон, и невольно задался вопросом, как им удалось продержаться так долго в условиях, когда каждый месяц спускали квоты на депортацию.

Когда он вошел в штаб-квартиру гестапо, волосы у него на руках встали дыбом, а по спине пробежала дрожь. Мужчины и женщины в форме стучали по клавишам пишущих машинок, настолько поглощенные работой, что даже не поднимали глаз, когда он проходил мимо. Какой-то шум в дверях заставил Себастьяна обернуться. Мужчина кричал и ругался по-французски, когда группа немецких солдат втащила его внутрь и повалила на пол. Себастьян отвернулся, как только тяжелые солдатские сапоги нанесли несчастному первые удары по почкам. Немецкий офицер выбежал из своего кабинета.

– Стойте! – крикнул он. – Мне нужно вытянуть из него информацию. Ведите его ко мне. – Постепенно мучительные звуки ударов стихли, и солдаты поволокли мужчину к кабинету. Его ноги торчали в разные стороны, вывернутые под неестественными углами.

Провожая взглядом эту жуткую процессию, Себастьян заметил четырех горожан, сидевших у дверей другого кабинета.

та. Он снова оглянулся. Среди них была та женщина. Элиз. Она мельком взглянула на него, и в ее глазах проскочила искра узнавания. Себастьян холодно посмотрел на нее, надеясь, что она правильно истолкует его намек; не следовало подавать вида, что они знакомы.

Пока все вокруг увлеченно наблюдали за тем, как тащат арестованного, Себастьян увидел для себя маленькое окно возможностей. И не преминул воспользоваться моментом. Он подошел к Элиз и обратился к ней властным голосом:

– Следуйте за мной.

Не говоря ни слова и не поднимая глаз, она поднялась со стула. И последовала за ним, когда он направился обратно тем же путем, каким пришел. Удары сердца глухо отдавались у него в ушах, сливаясь с монотонным стуком клавиш пишущих машинок. Себастьян уже все продумал: если кто-нибудь их остановит, он сделает вид, будто не имеет к ней никакого отношения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.